

ОСВАЛЬД ФОН НЕЛЛЬ-БРЕЙНИНГ

**ПОСТРОЕНИЕ
ОБЩЕСТВА**

OSWALD VON NELL-BREUNING

**BAUGESETZE
DER GESELLSCHAFT**

Translated by R. N. Redlich

POSEV — AUSTRALIA

— 1987 —

ОСВАЛЬД ФОН НЕЛЛЬ-БРЕЙНИНГ

ПОСТРОЕНИЕ ОБЩЕСТВА

**Перевод с немецкого
Р. Н. Редлиха**

**ПОСЕВ — АВСТРАЛИЯ
— 1987 —**

**Отзывы на эту книгу
просим направлять
по адресу:**

POSSEV-VERLAG D-6230 Frankfurt/M. 80, Flurscheideweg 15

ISBN - 0 7316 1209 4

Russian edition©

**Possev-Verlag V. Gorachek K. G. 1987
Frankfurt am Main, FRG**

**Набор и печать
типографии «Единение»**

**Typeset & printed by
Unification Printers & Publishers Pty Ltd.
Sydney — Australia.**

Предисловие издателя

В настоящее время, когда тупик, в который завела нашу страну попытка построить в ней коммунизм, очевиден каждому мыслящему человеку, нам показалось уместным издать перевод книги «Построение общества» немецкого солидариста Освальда фон Нелль-Брейнинга, книгу, трактующую принципиально близкий нам иной подход к общественно-политической практике. Автор ее, профессор высшего богословского училища и социально-политического факультета во Франкфурте-на-Майне, участвовал своими советами по социальным вопросам в составлении папских энциклик и в отстройке так называемой «социально-рыночной системы хозяйствования» в послевоенной Германии. В своем предисловии к «Двум принципам» он называет свой труд лишь кратким изложением основополагающей концепции своего предшественника, Генриха Пеша, пяти томный «Солидаризм» которого трудно осилить современному всегда чем-нибудь занятому и всегда куда-нибудь спешащему читателю. Нам кажется, однако, что Нелль-Брейнингу удалось сделать больше, ибо принцип оптимальной поддержки в его изложении выходит за рамки теории и становится наставлением к практической деятельности

Наше издание предназначено не для ученого исследователя немецкого солидаризма, который может обратиться к первоисточникам и

изучить также и непереведенные работы Нелль-Брейнинга и Пеша в их полном объеме, но для более широкого русского читателя. Книга издана поэтому в карманном формате и с небольшими сокращениями. При переводе мы позволили себе опустить не нужные такому читателю разъяснения не имеющих эквивалентов в русском языке немецких терминов и некоторые примеры, взятые из злободневной только для ФРГ политической практики, а также раздел, прослеживающий применение понятия субсидиарности в папских энцикликах «*Quadragesimo anno*» и «*Mater et magistra*», сохранив, однако, ссылки на них там, где этого требует ход изложения.

По нашему замыслу, — повторим еще раз, — книга должна послужить лишь для первоначального предварительного ознакомления с идеей солидаризма в изложении Нелль-Брейнинга, активного участника так называемого «немецкого чуда» — восстановления разгромленной в результате войны и гитлеровщины общественной жизни и экономической мощи Федеративной Республики Германии.

ЧАСТЬ 1

ВЗАИМНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (ПРИНЦИП СОЛИДАРНОСТИ)

ГЛАВА 1

СОЛИДАРНОСТЬ КАК ОСНОВА СТРОЕНИЯ ЛЮБОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

А. ОБОСНОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА СОЛИДАРНОСТИ

Всякое строительство предполагает замысел. Этот замысел должен учитывать имеющиеся условия, в частности положение строительного участка, стороны света, подъездные пути и т.д. В зависимости от назначения возводимого строения (жилой дом, канцелярское помещение, завод и т.д.) в строительном проекте устанавливается число помещений, их оборудование и размеры, распределение и распорядок. Им диктуется членение постройки; в соответствии с ним разрабатываются несущие элементы (структура) здания; членение и структура взаимосвязаны; они определяются назначением постройки.

Не меньшую роль, чем назначение возводимого здания, играет и материал, из которого оно строится. Современная архитектура зачастую возможна только на базе железа, стали, бетона. Так своеобразие материала становится элементом, определяющим характер постройки, да и вообще условием ее возможности.

Все это строитель должен учесть в своем проекте, определяющем в то же время и внешний вид здания. Принятый проект становится как бы законом, по которому оно возводится.

Аналогично тому, как в основу постройки дома заложен его проект, так в основу построения человеческого общества заложен принцип солидарности. Им определяется внутренняя структура общества, то, что его несет и держит. Этот принцип укоренен в глубочайших пластах человеческого бытия.

1. СОЛИДАРНОСТЬ КАК ПРИНЦИП СТРУКТУРЫ

а) Правовое понятие коллективного обязательства

О коллективных обязательствах, коллективной ответственности или круговой поруке принято говорить, когда несколько человек несут то или иное общее обязательство, причем так, что каждый из них отвечает за все обязательство, во всей его полноте. Так, например, в случае поручительства. Если должник не платит, то кредитор имеет право обратиться к поручителю и требовать у него оплаты всего долга. Точно так же если несколько человек совместно нанесли кому-либо материальный ущерб, то каждый отвечает за весь ущерб; потерпевший имеет право предъявить иск любому из них, может выбрать того, с кого ему кажется легче и проще получить возмещение. Каждый отвечает за каждого. Правомочные иски на уплату, возмещение ущерба или выполнение иных обязательств должны быть удовлетворены при всех обстоятельствах; как именно связанные общей ответственностью члены коллектива строят свои взаимоотношения, и как они распределяют между собой нагрузки — их собственное дело; истца (кредитора или потерпевшего) это не касается.

Так, в каждом данном коллективе все его члены вкуче, но и каждый из них в отдельности несут ответственность за благополучие и неблагополучие всего сообщества и обязаны заботиться о нем. Даже когда должности, задачи и обязанности в определенном порядке распределены между членами, каждый из них несет также ответственность за благополучие сообщества как целого. Это значит прежде всего, что никто не имеет права ссылаться на несостоятельность другого, но, напротив, на основе общей солидарности должен стараться поправить дело.

И с другой стороны, коллектив несет ответственность за каждого из своих членов. Эта обоюдная зависимость и ответственность венчают заложенную в каждом сообществе солидарность.

б) Встроенность человека в общество (зависимость друг от друга)

Эти далеко идущие обязательства каждого отдельного человека как члена общества и, наоборот, обязательства общества по отношению к каждому из своих членов основаны на взаимозависимости, на невозможности обойтись друг без друга. Общество и его члены связаны общей судьбой («сидят в одной лодке»). Вот почему мы говорим о «встроенности» личности в общество и можем сказать, что солидарная общая ответственность вытекает из этой встроенности.

Все, что делают или не делают отдельные лица, влияет, — сознательно или бессознательно, — на все общество. А то, что делает или не делает общество, воздействует, — будь то с намерением или без намерения, — на каждого его члена.

аа) Частная и общественная жизнь

Разумеется, в жизни существует сфера личных интересов, сфера интимных переживаний, сфера личной жизни, в которую обществу не следует вмешиваться. У каждого из нас есть своя внутренняя жизнь, о которой, кроме Бога, никто не знает, и которая должна оставаться тайной между ним и его Богом. У людей есть семейная жизнь, но и в семье существуют интимные супружеские связи, различные отношения отца и матери с каждым отдельным ребенком, отношения детей между собой и с ровесниками. Никакое большое сообщество и уж ни в коем случае не широкая общественность не имеют права вмешиваться в эти интимные отношения. Жилище с его устройством, огороженный дом и двор, мастерская с ее оборудованием или домашние животные — все это частная сфера, которую мы

имеем право отгораживать от внешнего мира, чтобы вести в ней собственную интимную, частную жизнь. В этой сфере человек служит им лично избранным целям и ценностям, воплощая в них свое собственное понятие о свободе и достоинстве, а в конечном счете славя в них того Бога, в которого он верит.

Многое, может быть, даже почти все, что человек делает в своей частной сфере, не оказывает непосредственного влияния на общество, в частности — на общественное и государственное устройство. Но опосредствованно оно очень даже влияет, ибо и хозяйственная и государственная жизнь питаются тем, что родительский дом передает новому поколению в виде воспитания, жизненного опыта, верности долгу и сознания ответственности.

И более того, частная сфера немыслима без окружающей ее общественной жизни. Возможности вести семейную жизнь и хозяйствовать в своем доме, обеспеченность нашей жизни и неприкосновенность нашего имущества, тот факт, что мы можем искать и находить себе поле деятельности, использовать так или иначе свою способность к труду и зарабатывать свой хлеб — вовсе не разумеются сами собой. Каждый час нашей частной жизни встроен в жизнь общества, нуждается в поддержке общества, в защите и обеспечении и протекает в составе целого ряда дееспособных сообществ вплоть до государства, гарантирующего своим гражданам хотя бы минимум порядка и права.

бб) Сфера непринудительного общения

Между вполне личной и частной сферой и общественной жизнью в узком смысле слова складываются разнообразнейшие формы непринудительного взаимодействия. Сюда относится хотя бы воздействие путем хорошего и дурного примера, которое мы оказываем на окружающих, но под которым мы и сами все время находимся. Стоит только подумать о том, как мы зависим от того, что

общепринято! Во всем строе нашей жизни и быта, даже в карманных деньгах, которые мы даем на расходы детям, мы не можем не считаться с тем, как это делают другие, а делая это подобно другим, мы вносим и свой вклад в то давление, которое оказывают на человека обычаи, общепринятые традиции и условности. Особенно характерны здесь такие явления как мода, а в новейшее время еще и престиж, стремление выставить напоказ значение своей персоны. Ведь если мой коллега приезжает на работу в автомобиле, мне уже вроде бы унижительно пользоваться велосипедом; если соседи завели новый телевизор, то и моя семья желает иметь такой же новый. Участвуя в этом соревновании престижей, я втягиваю в него и других, ибо никто не хочет стоять на более низкой ступени социальной лестницы. Можно, конечно, сказать, что многие из этих видов зависимости проистекают не из действительных, а лишь из воображаемых потребностей; это, конечно, так, но ведь и они становятся потребностями. Можно порицать исходящую из них силу, но приходится считаться с тем, что она зачастую оказывается неодолимой.

Если из взаимной зависимости между человеком и обществом нельзя исключить ни интимнейшей сферы личной жизни, ни свободных взаимоотношений с соседями, с коллегами по профессии или с другими общественными группами, то это тем более ясно в более широких областях общественной жизни.

вв) Хозяйственная жизнь

В области хозяйствования планы каждого отдельного предприятия, стратегия и тактика каждого экономического объединения, каждого профессионального союза и т.д. сказываются на всей экономике и даже вне ее; и наоборот, — мероприятия экономической политики, будь то валютные, финансовые, касающиеся транспорта, внешней торговли или чего-либо другого, оказывают

нередко решающее влияние на благополучие или неблагополучие не только целых отраслей производства и целых экономических регионов, но и отдельных предприятий и отдельных участков этих предприятий, воздействуя на спрос и предложение на рынке товаров и рабочей силы.

гг) Значение государства

Всю меру значения гражданственности в поведении народа и в его отношении к действиям и упущениям публичной организации, называемой «государством», мы, к сожалению осознаем лишь тогда, когда недостаток ответственности или прямая безответственность отдельных лиц приводит к национальной катастрофе. Кто в Германии разрушил Веймарскую демократическую республику и привел к власти Гитлера? Прежде всего те, кто бездумно и безответственно выражал свое недовольство с помощью избирательного бюллетеня. Разумеется, подавляющее большинство тогдашних недовольных не хотело Второй мировой войны и преступлений гитлеровского национал-социализма (как сторонники большевиков в России не хотели сталинщины. — Прим. пер.). Сознующие свою ответственность граждане, однако, должны были бы подумать о том, кому и чему они отдают свой голос. И эта нехватка гражданской ответственности, это безответственное недомыслие привело к ужасающим последствиям.

И наоборот, как глубоко и сильно государственная власть воздействует на жизнь каждого гражданина, известно из ежедневного опыта. Чтобы осознать это, не нужно катастроф, подобных тем, которые пришлось пережить нашему поколению. Стоит только понаблюдать, в какой мере наша трудовая жизнь (наше социальное законодательство, законы по охране труда и т.д.) определяется государственными мероприятиями по экономике, по развитию транспортной сети, по здравоохранению и т.д., и подумать о структуре народного образования,

системе экзаменов и аттестатов, о воинской повинности и о многих других областях деятельности государственной власти.

в) Солидарная ответственность

Воздействие каждого из нас на общество и обратное воздействие общества на всех нас вместе взятых и на каждого из нас в отдельности есть таким образом **факт**. Там, где я оказываю влияние, там, где радости и горести других зависят от меня и моих действий, там я несу ответственность.

Мы сделали беглый обзор и попробовали дать себе отчет во всеобъемлющем характере нашей «встроенности» в общество. Но если это так, то столь же всеобъемлюща и солидарная ответственность. Указанные выше связи возможных и действительных воздействий или, — глядя с другого конца, — возможных и действительных зависимостей суть в то же время и связи ответственностей. Они образуют как бы костяк человеческого общества. Ответственность членов общества за это общество в целом и ответственность общества в целом за судьбу своих членов — это как бы два полюса: отдельный человек, с одной стороны, и общество — с другой, — это, если можно так выразиться, основная, грубая структура, многочисленные ширококоразветвленные и более тонкие линии, по которым проходит воздействие и ответственность каждого отдельного члена общества, образуют тончайшие детали этой структуры; когда связи этих деталей затемняются, ответственность соответственно смазывается, или когда люди начинают вообще уклоняться от ответственности, то это можно сравнить с тем, как если бы вынуть нервюры из свода, контрфорсы из здания собора или несущие элементы из каркаса современного высотного здания. Устойчивость целого обеспечивается тем, что различные опорные элементы укрепляют и поддерживают друг друга. Даже наиболее надежные детали не могут предотвратить разру-

шения, если они не сцеплены с основной конструкцией.

Мы видим таким образом что, во-первых, в человеческом обществе существует не только всеобщая взаимосвязанность и всеобщая зависимость людей друг от друга, но в силу того, что человек — нравственно ответственное существо, также и солидарная взаимоответственность. И во-вторых, что эта ответственность определяет структуру человеческого общества и обнаруживает себя таким образом в строжайшем смысле слова как основа его строения.

Взаимопроникновение судеб любого сообщества с судьбами входящих в него людей и проистекающая из этого ответственность их друг за друга мы обозначим как отношения привязанности и встречной привязанности: неизбежной привязанности человека к обществу и столь же неизбежной встречной привязанности общества к отдельным своим членам; эта взаимопривязанность накладывает на них столь же двустороннюю ответственность друг за друга и друг перед другом (солидарная ответственность).

2. СОЛИДАРНОСТЬ КАК ПРИНЦИП БЫТИЯ

Но попробуем заглянуть глубже. Морально-правовую сторону этой солидарной ответственности мы вывели из факта связанности, соединенности всех со всеми. Составляет ли этот, открыто лежащий на поверхности элементарный факт само основание, или он — лишь внешнее проявление более глубокого пласта бытия?

В самом деле, при дальнейшем анализе мы усматриваем, что факт всеобщей взаимосвязанности — отнюдь не случайность, но вытекает из самой природы человека, что солидарная ответственность

вырастает не только из соединенности всех со всеми, и что принцип солидарности выражает основу строения общества не только, как оно нынче есть, хоть могло бы быть и иным, но представляет собой принцип **самого бытия**, иначе говоря, основополагающее начало, с необходимостью вытекающее из того, что в глубочайшем и окончательном смысле представляет собой человек.

Неверно думать, будто птица оборудована подвешенными к ней крыльями, наподобие механического устройства. Нет, все ее строение рассчитано на полет, и, поднимаясь в воздух, она ведет себя согласно своей природе. Так же и рыба не только пользуется плавниками, но и дышит жабрами, а вынута из воды бьется и бессмысленно хватается воздух. Рыба может жить лишь в водной стихии, такова ее природа.

Точно так же обстоит дело и с человеком. Тот факт, что он живет в сообществе с другими людьми, — не каприз и не вывод, к которому он пришел из соображений общественной пользы. Человеку нечего спрашивать себя, стоит или не стоит ему сожительствовать с другими людьми. Он создан Богом не как самодовлеющим единичным существом, способным жить в одиночестве, но обладающим свойствами, позволяющими ему завязывать связи с себе подобными, если захочется, и обрывать их, если они становятся ему в тягость. Совсем напротив, человек по всей своей природе — как физической, так и духовной, — предназначен для жизни в обществе.

Встроенность человека в общество и вытекающая из нее солидарная ответственность заложены —

а) в физической природе человека

По своей физической природе человек — звено в смене поколений. Он произошел не сам собой и не создан, как первочеловек, непосредственно своим божественным Творцом или каким-

лиоо отдельным человеком, одаренным способностью к воспроизводству. Человек обязан своим зачатием паре своих родителей, и сам может стать источником новой жизни только вместе с другим человеком другого пола; естественное продолжение человеческого рода — результат половой связи двух разнополых человеческих существ. А о том, в какой мере новорожденный младенец, не так как большинство животных — лишь на короткое время, — но на долгие годы и в несравненно большей степени, нежели любое животное, нуждается в уходе, охране, заботе, кормлении, в обеспечении всем для него жизненно необходимым, всем, без чего он попросту должен был бы погибнуть, не приходится и говорить!

Но человечество состоит из разнополых существ не только в плане продолжения рода. Половые особенности не исчерпываются различием половых органов, но сказываются во всех свойствах человека. И если Бог нашел, что нехорошо человеку (мужу) быть одному и решил «сотворить ему помощника, соответственного ему» (Бытие 2, 18), то решил Он так потому, что с самого начала человек был создан так, что не мог жить один и сам по себе, но был предназначен к тому, чтобы пользоваться помощью и оказывать помощь. Так, мужчина и женщина по замыслу Творца уже по физическим свойствам рассчитаны друг на друга, на взаимную поддержку и на совместную деятельность во всем, что составляет содержание и задачу человеческой жизни на земле. Даже и те, кто во имя высших ценностей отказываются от жизни пола, не перестают быть мужчиной или женщиной; вся жизненная деятельность человека носит мужской или женский характер, и именно свойствами своей мужской или женской природы каждый человек вносит свой особый вклад в общечеловеческую жизнь.

б) в духовной природе человека

По своей духовной природе человек в еще большей степени приурочен к жизни в обществе, Дух, — как верно говорится, — загорается только от духа. Человек, лишенный духовных импульсов, руководства и поучения, не мог бы пробудиться к духовной жизни, а еще менее к самостоятельной жизни, к научным исследованиям, литературному творчеству или к выражению духовных содержаний в произведениях изящных искусств или музыки. Он не мог бы творить в сфере художества. У него не было бы духовной жизни, ничего из того, что мы называем Культурой.

в) в целостности человеческой природы.

Самое важное и существенное этим, однако, еще не сказано. Как раз прекраснейшие и благороднейшие способности, дарованные Богом человеку как духовно-телесному существу, раскрываются только в общении. О любви, доверии, благодарности, чтобы назвать лишь некоторые из них, нельзя даже помыслить, не представив себе по меньшей мере двух человеческих существ, связанных любовью, взирающих друг на друга с доверием, радующихся, что одному из них удалось осчастливить другого и вызвать его благодарность.

Рассматривая физическую природу человека, мы видели главным образом (хоть и не исключительно) его ограниченность и недостаточность, толкающие его искать опоры в обществе, поскольку вне общества ему невозможно сохранить себя. В обществе его недостаточность возмещается тем, что делают другие. Этим наращиваются колоссальные преимущества, наблюдаемые в разделении труда и в совместном труде, без которого огромному числу людей, населяющих в настоящее время землю, не хватило бы средств даже для самого жалкого существования.

По своей духовной природе человек уже в силу своей тварной ограниченности предопределен к жизни в обществе и зависит от поддержки общества. Но куда больше, чем его ограниченность и недостаточность, к общественной жизни толкает человека его богатство. Бог одарил человека множеством способностей, дарований, позволяющих ему воплощать духовные, нравственные, религиозные и иные культурные ценности, мыслимые и действительные только в общении будь то людей, будь то — когда Богу угодно — людей и Бога, но лишённые содержания и смысла для замкнутого в себе единичного существа.

Любить самого себя человек может и в одиночестве, но супружеская любовь возможна только в супружеском общении, любовь между родителями и детьми — только в общении между детьми и родителями, точно так же — справедливо или несправедливо — человек может верить в самого себя и ценить собственные таланты и успехи, однако доверие, которое он оказывает другим, и благодарность, с которой он связывает уважение и признание чужих заслуг, как и желание отплатить за полученное от других добро представляет собой нечто совершенно иное и новое и несет с собой обогащение мира человеческих ценностей, возможное только в общении. К этому и призван человек своей природой, своим бытием и глубочайшей сущностью!

В силу этой своей человеческой сущности, а точнее своей духовно-телесной природы человек предопределен к жизни в обществе. Сама стихия человечности — основа его неразрывных связей с обществом, его встроенности в общественную ткань, о которой мы говорили выше. И эта встроенность остается в силе, пока человек остается человеком. Начало взаимосвязанности людей и их ответственности друг перед другом мы нашли во встроенности человека в общество. А исследуя это явление глубже, мы усмотрели корень его в самом естестве человека, в его человечности, определяющей его

бытие как подлинное **человекобытие**. Вот почему солидарная ответственность есть нечто большее, нежели условие, несомненно выгодное для общества, но могущее быть замененным другим условием, которое, в свою очередь, можно заменить другим. Встроенность человека в общество и солидарная ответственность людей за общее дело с необходимостью проистекают из самой природы человека. Природа солидарности, выражающей эту ответственность, как мы описали выше, не только основа строения, но и подлинная основа бытия общества.

Нет и не может быть сообщества, в котором отсутствовал бы принцип солидарности.

Б. ВЫВОДЫ ИЗ ПРИНЦИПА СОЛИДАРНОСТИ

Зная назначение того или иного здания, оценив материалы, которые были в распоряжении архитектора, и будучи уверены, что он правильно разрешил свою задачу, нам достаточно бросить взгляд на план, чтобы понять не только, почему данное здание именно так построено, но и сообразить, почему в решающих элементах его нужно было строить именно так, и неразумно было бы строить иначе. Следуя соображениям, которыми руководствовался архитектор, когда составлял проект, мы приходим к выводу: да, действительно, поставленную задачу мы решили бы так же или во всяком случае не лучше; именно так и нужно было строить».

В отношении общества мы находимся в том же счастливом положении. Архитектор его — Господь Бог, и в той мере, в какой люди не сумели исполнить Его творения, Он, наверное, сделал все правильно и так, как надо. Усмотрев в принципе солидарности основу строения, структурный и бытийственный фундамент общества, попробуем с его помощью понять соображения божественного Проектировщика. Здесь мы найдем, очевидно, ответ на важней-

шие вопросы, которые мы должны поставить перед обществом.

Поставим, в первую очередь, два вопроса:

- 1) Какое значение имеет общее благо для жизни общества?
- 2) Каково взаимоотношение общего и личного блага?

1. МЕСТО ОБЩЕГО БЛАГА В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

а) Замечания к терминологии

За безобидными словами «общее благо» скрыто два смысла. В поставленных нами только что двух вопросах эти два слова не только не сохраняют неизменного смысла, но означают разные вещи, которые, к счастью, можно разделить, если сознательно и целенаправленно пользоваться выражениями «общее дело» или «общий предмет» для обозначения того блага, которому служит данное сообщество и вокруг которого сосредоточена его деятельность, и «общее благо» или «общее достоинство» для обозначения того блага, на которое она направлена. Пусть несколько условно, но мы можем тогда сказать: вся жизнедеятельность общественного организма направлена на общее дело и сосредоточена вокруг общего достоинства.

б) Общее дело и личное дело

Совершенно очевидно, что жизнедеятельность любого сообщества сосредотачивается вокруг того, что интересует его членов, вокруг того, что представляет собой для них ценность или считается ими ценностью.

Жизнедеятельность певческого объединения развивается вокруг искусства пения. Равнодушный к пению не вступит в такое объединение. Пение, вокальное искусство — вот общее дело, общий предмет служения коллектива певцов. И певческое общество будет преуспевать в той мере, в какой его

члены служат вокальному искусству: чем выше будут его достижения в этом искусстве, тем выше будет и его достоинство и уважение к нему.

Пение, искусство пения есть однако в то же время и личное дело каждого из членов объединения — как певцов, так и членов-соревнователей, любителей певческого искусства, вступивших в общество с целью поддержать его деятельность членскими взносами и наслаждаться его выступлениями в качестве слушателей. Чем в большей степени музыкальность членов общества развивается как личное свойство, как личное достояние, чем большую радость они испытывают от хорошего певческого исполнения, тем качественней будут и художественные достижения организации, тем полнее будет воплощаться в них общее дело ее членов.

Общее дело и личное дело каждого зависят друг от друга и дополняют друг друга, находятся в том же соотношении взаимозависимости, как и отдельная личность и общество.

в) Общее достояние и личное достояние

Деятельность того или иного объединения должна быть, без сомнения, направлена на то, что должно создаваться, воплощаться, достигаться этой деятельностью, — на реализацию общего дела как личного дела каждого из его участников. Однако можно сказать также, что она направлена на выработку необходимых предусловий: без которых общее дело невозможно.

Чтобы вообще петь хором, певческое объединение должно быть организовано, должно иметь регента; оно должно располагать подходящим помещением, в котором могут собираться певцы, должно иметь имущество, — например, ноты, — но, наверное, также и денежные средства. Если все необходимое налицо и в порядке, то все благополучно. Обозначим наличие всего этого как общее благо, общее достояние.

Это благо, это общее достояние можно обозначить далее как «организационную и организующую ценность». Прилагательное же «организационная» показывает, что эта ценность в значительной мере состоит в организованности и означает, что объединение хорошо организовано, что у него уже есть соответствующий ему устав, что должностные распределены в нем правильно и между подходящими к ним людьми и т.д. Прилагательное «организующая» выражает, что четко работающий аппарат хорошо выполняет свою задачу, а именно целенаправленно организует деятельность членов объединения, действует так, что из усилий отдельных участников строится общее дело, — в нашем примере художественное пение, — которое и составляет предмет служения данного коллектива.

Добросовестно исполняя свою задачу, внося свой вклад в общее дело, каждый член объединения соучаствует в совершенствовании достижений сообщества. И точно также высококачественная работа коллектива служит основой для повышения качества работы каждого его участника. В дружном, хорошо сыгравшемся оркестре или певшемся хоре каждый отдельный музыкант или певец может и будет играть и петь лучше, нежели в случайно собравшейся компании. В хоре или оркестре высокого класса даже посредственные певцы и музыканты достигают определенной степени мастерства. Превосходное качество совместного исполнения как бы тянет за собой вверх и поднимает исполнительские данные каждого участника. В высококвалифицированном коллективе каждый участник может выдать и выдаст свой максимум.

Так на основании принципа солидарности общее благо и личное благо оказываются так же взаимосвязанными и так же зависимыми друг от друга, как это имеет место во взаимодействии личности и общества.

Общее дело, общий предмет служения представляет собой таким образом самодовлеющую цен-

ность, иначе говоря — самоценность, к которой люди стремятся и которую они ценят ради нее самой, в то время как общее достояние есть ценность служебная, т.е. ценность, к которой мы стремимся лишь потому, что она служит осуществлению общего дела, общего предмета служения.

2. ИЕРАРХИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ОБЩИМ И ЛИЧНЫМ БЛАГОМ

Спрашивая, как соотносятся между собой общее благо и личное благо, мы не различаем между самодовлеющей ценностью предмета, которому служит коллектив или отдельный человек, и ценностью того достояния, которое создано для служения этому предмету, но говорим просто о благе или благополучии сообщества как целого или того или иного человека в отдельности.

а) Совпадения и столкновения общего и личного блага

Благо, благополучие, процветание общества и личности, как бы их ни характеризовать, с одной стороны, тесно связаны между собой, с другой стороны, однако, могут идти совершенно различными путями.

Общество состоит из отдельных лиц, состоящих его членами, поэтому невозможно представить себе процветание общества при неблагополучии его членов, признать, что в нем, например, цветет культура, когда оно состоит из неучей, или преуспевает экономика, в то время как его члены страдают от крайней бедности, нужды и лишений. Церковная община не может процветать, если прихожане не ходят к обедне, таких примеров можно привести множество.

С другой стороны, однако, общество может сохраниться и тогда, когда исчезают его отдельные члены. Народ перестает существовать, лишь когда уничтожены все живущие и у него нет потомства.

Так, если бы Гитлер смог уничтожить поголовно всех евреев, этот народ перестал бы существовать. С семьей дело обстоит иначе: когда дети оставили родительский дом, а сами родители умерли, данной семьи больше нет. Существование семьи гораздо теснее связано с жизнью каждого ее члена, нежели существование народа с жизнью его отдельных представителей.

Если общество может сохраняться и тогда, когда отдельные его члены выходят из него или погибают, то оно может чувствовать себя благополучно и даже хорошо, не взирая на страдания отдельных входящих в него лиц (подобно тому, как человек может быть доволен и работоспособен, несмотря на тот или иной дефект, например, близорукость или даже полная слепота). Если, однако, страдает большинство или хотя бы существенное меньшинство, то это с необходимостью влечет за собой неблагополучие общества в целом (подобно тому, как человек теряет работоспособность, когда лишается сил, или если его важнейшие органы отказываются ему служить).

И наоборот, общество в целом может оказаться в печальном состоянии несмотря на то, что отдельным лицам в нем живется хорошо и даже отлично. Ведь известно из опыта, что как раз из общей беды отдельные лица нередко умеют извлечь для себя немалую пользу. Достаточно вспомнить хотя бы первые послевоенные годы, в течение которых на фоне общей нужды и лишений отдельные лица, а то и целые группы лиц наживались именно за счет тех, кто голодал и мерз, и бесстыдно вели расточительный образ жизни, не только не помогая, но скорее мешая восстановлению народного хозяйства, да и сейчас это наблюдается в отсталых странах да и повсюду, где групповой или классовый эгоизм проявляется как злейшее препятствие на пути хозяйственного и культурного развития.

б) Противоречия между общим и личным благом

Обобщая, можно сказать, что общее благо, по меньшей мере до определенного предела может расходиться с личным благом и даже вступать с ним в противоречие. В этом, последнем случае необходимо знать, кому тогда нужно отдать предпочтение и кто должен уступить, нужно ли пожертвовать интересами личности во имя интересов общества, или общество должно потесниться и дать простор законным требованиям личности? Солидаризм дает нам ответ на этот вопрос, который, однако, нужно суметь понять; в двух словах его сразу не выразишь.

«Общее благо важнее личного блага» — этим благозвучным лозунгом немецкие национал-социалисты (да и любая целеустремленная коллективистская диктатура. — Прим. пер.) отвечали на наш вопрос. (Придерживались они его на практике или приносили в жертву и свой народ, и чужие народы собственным низким замыслом, излишне здесь разбирать.) Бесспорно, в словах «общее благо важнее личного блага» есть доля правды; недаром на них отзывается столько искренне стремящихся к добру людей. Но в них недопустимо упрощается и огрубляется подлинное положение вещей.

Чтобы разобраться в этом положении, нужно вернуться к рассмотрению солидарности как основы общественного бытия. Другими словами, — ответ на наш вопрос заложен в том глубинном пласте бытия, в котором коренится начало солидарности. Как соотносятся общее благо и личное благо, определяется в конечном счете тем, как соотносятся личность и общество. Иерархическое соотношение общего блага и личного блага есть соотношение их носителей и иным быть не может. Носитель общего блага — общество, коллектив, носитель индивидуального личного блага — отдельный человек, отдельная личность. Так в каком же иерархическом соотношении находятся они друг к другу, — с одной стороны, общество, с другой, — отдельная личность?

аа) Кто выше — личность или общество?

Прежде, чем спрашивать, в каком иерархическом соотношении находятся личность и общество, необходимо хорошо уяснить себе, что, собственно, мы понимаем под словом «общество». «Общество» — это отдельные люди (личности), составляющие это общество. Если это общество состоит из тысячи человек, то оно, очевидно, больше, чем одна отдельная личность и, следовательно, больше, чем любая отдельная личность, входящая в это общество. Ведь само собой разумеется, что многие больше, чем один! Но этого мало: общество также и больше, чем те многие, из которых оно состоит. Если бы не оно, эти многие были бы всего лишь толпой, нагромождением отдельных лиц, движущихся в различных направлениях, порой параллельно, а порой и противоположно друг другу. Чтобы эта толпа превратилась в единое общество, нужны, очевидно, и еще какие-то элементы единства. Общество есть, таким образом, объединение связанных воедино личностей. Общество не находится где-то в пространстве, в стороне от отдельных лиц, и не витает в воздухе над ними, но существует исключительно в связанных воедино личностях. Если мы утверждаем, что общество стоит иерархически выше отдельных личностей, то это нельзя понимать иначе, как утверждение того, что объединенные в единое сообщество личности становятся по рангу выше, чем существующие рядом, ничем не связанные друг с другом отдельные люди. Сообщество стоит поэтому выше отдельной личности ровно настолько, насколько входящая в объединение личность оказывается выше никуда не входящей.

Если это так, и единение с другими людьми превращает личности в нечто большее, чем они были бы без этого единения, то необходимо выяснить, в чем оно заключается, в чем сила объединяющей солидарности и каким образом единение с другими ставит человека выше, делает его лучше и

совершеннее, чем он был бы без этого единения (как изолированная личность).

Мы уже знаем, что объединяет людей; их объединяют ценности, которым служит объединение. Мы не различали здесь между общим делом и общим достоянием объединения. Для короткого отрезка нашего пути это различие не имело значения. Но теперь пора им снова воспользоваться: в дальнейшем мы будем иметь дело исключительно с самооценностью общего предмета, не со служебной ценностью того общего достояния, которое поставлено ему на службу.

Примеры отдельных сообществ

У сообщества «кегельный клуб» ценность, которой оно служит, весьма невысока по достоинству; в своем качестве члена такого клуба личность не превосходит сколько-нибудь заметно его не-членов. Но совершенно иначе обстоит дело в случае таких жизненно важных сообществ как семья и государство. Соединившийся с другими людьми как член семьи, человек вступает в пользование и принимает ответственность за все ценности, составляющие общее достояние этой семьи; точно так же человек, объединенный с другими гражданами в оформленной в государственном единстве нации, становится ответственным сообладателем целого ряда ценностей, совершенно немыслимых вне этого объединения. Это сообладание поднимает его в его достоинстве, причем тем больше, чем выше, богаче и объемнее ценности, которым он становится сопричастен, и чем горячее он сам принимает участие в их воплощении в жизнь. Этот рост достоинства человека становится возможен благодаря его соучастию в служении тем ценностям, которым служит общество. Чем выше эти ценности, тем выше и достоинство общества, сообщаемое им своим членам, достоинство, которым они сами по себе как отдельные личности не обладают, но сообладают в обще-

стве, В этом смысле можно сказать, что общество дарит их своим членам.

Из сказанного можно заключить, что члены кегельного клуба, а потому и сам кегельный клуб стоят как бы над не играющими в кегли. Это, однако, так лишь в случае если мы станем делить людей на играющих и не играющих в кегли и сравнивать их между собой именно в этом отношении. Крупный ученый, даже если он работает в одиночку, должен быть поставлен выше всех игроков в кегли и всех кегельных клубов в силу того, что ценность научных занятий выше игры в кегли. На этом примере мы видим: превосходство коллектива над отдельной личностью не абсолютно, т.е. оно наличествует не безусловно и не в любых обстоятельствах, но всегда лишь в соотношении к ценности, составляющей предмет служения коллектива. В случае кегельного клуба это лишь невысокая и крайне ограниченная ценность. В случае семьи мы имеем дело с гораздо более высокими и несравненно более разносторонними ценностями. В объединенном в государстве народе ценности еще разнообразнее. Некоторые отдельные ценности государства в то же время выше, нежели аналогичные ценности семьи (например, экономическое обеспечение). В противовес этому семья опять-таки обладает ценностями безусловно более высокого и даже наивысшего ранга, которые могут реализоваться в семейной и только в семейной жизни, и в этом семья должна быть поставлена выше, чем государство (в ином контексте или с другой позиции оценки государство опять-таки стоит выше).

Общее соотношение личность-общество

До сих пор мы говорили об отдельных сообществах, о кегельном клубе, о семье, о государстве. Но если мы подумаем теперь не об определенных сообществах, но об обществе вообще, то вопрос о том,

следует ли поставить его выше отдельной личности, освещен еще недостаточно. Мы нащупали уже, однако, путь, на котором можно найти ответ. Для этого нам следует рассмотреть, во всех ли отношениях любая личность поднимается благодаря обществу на более высокую ступень, или она уже по самой своей природе обладает достоинством столь же или даже более высоким, нежели то, которое она может приобрести в силу сообладания ценностями общества.

Сам по себе каждый отдельный человек ориентирован на Бога как на свою окончательную, но в то же время и непосредственную цель. Непосредственную потому, что эта ориентированность исходит не из какой-либо земной общности, но опирается на спасительную волю Бога, призывающего его лично «по имени»; и точно так же никакая земная общность не может помочь ему дойти до Бога как до окончательной цели жизни, и только Сам Бог по милости Своей может помочь ему в этом.

Только если мы признаем Церковь учреждением Христовым, и более того — продолжением жизни Христа на земле, и введем это в наши рассуждения, картина меняется; тогда мы должны во всяком случае признать, что членство в Церкви как таинственном Телес Христовом возводит человека в его отношении к Богу в новое и высшее достоинство. Общность Церкви с Христом как Главою сохраняет по отношению к любому из ее членов то превосходство, которое свойственно богочеловечеству Спасителя над каждым спасенным и всеми спасенными вместе взятыми.

Занимаясь, однако, земными сообществами, отметим, что их превосходство над входящими в них в качестве членов отдельными личностями можно признать лишь при определенных условиях и в определенных пределах, иначе говоря, им принадлежит не абсолютное, но лишь относительное превосходство.

бб) Следствия для общего и личного блага

Из этого следует: организация «Кегельный клуб» имеет по отношению к своим членам преимущественное право в отношении кегельного спорта. В силу этого права она может требовать от своих членов, чтобы они, скажем, играли в кегли только у себя или в других клубах, пользующихся хорошей репутацией и в которых соблюдается полноценная спортивная этика, но не в заведениях недостойных, компрометирующих или еще как-либо вредящих кегельному спорту. Ибо кегельный спорт составляет предмет служения клуба. Клуб может требовать и других жертв низшего порядка, как, например, уплаты членских взносов. Но он не может ожидать от своих членов отказа от более высоких ценностей, как, например, отказа от присутствия на воскресном богослужении. Семья и национальная государственность, в силу высоты ценностей, которым они должны служить, могут требовать от своих членов и своих граждан жертвы благами гораздо более высокого порядка. Жена и мать в расцвете лет тратит свои силы и здоровье в самозабвенной заботе о муже и детях; гражданин государства должен быть готов поставить под удар свою жизнь во имя сохранения гражданственности и защиты от внутренних и внешних врагов. Ценности, составляющие общее достояние семьи и государства, выше физического благополучия и даже самой жизни. Ценности отношения человека, — и притом — каждого отдельного человека, — к Богу, однако, еще выше; эти ценности ни при каких обстоятельствах не могут быть принесены в жертву ради процветания, пользы или благополучия какого бы то ни было коллектива. Но именно это происходит, когда человек поступает против совести. И именно поэтому ни одна человеческая организация (в том числе и Церковь!) не имеет права требовать от человека, чтобы он поступал против своей совести. Здесь действительно то, что Петр и другие апостолы заявили в синедрионе: «должны повиноваться больше Богу, нежели чело-

векам» (Деян. 5, 29). Организация, притязаящая господствовать над совестью, посягает на ценность самой человеческой личности — неизмеримо более высокую, нежели достояние любой (земной) организации, она совершает вмешательство в божественный промысел.

Требования, которые ставятся во имя общего блага, могут вступать в противоречия с требованиями личного блага. Само подлинное благо общества, однако, никогда не противоречит подлинному благу личности, да по сути дела и не может ему противоречить, ибо это нарушало бы исконную солидарность человека и общества. Это верно, в первую очередь, для самоценного предмета, которому служит данное общество, но это верно и для аппарата служения.

Жертвы во имя общества

Когда в служении общему делу сообщества, к которому принадлежу, я жертвую ценностью равного или меньшего достоинства, то своей жертвой я не только укрепляю общее дело, но и приобретаю ценность такого же или большего достоинства; я не несу никакой потери, а возможно, меняю более низкую ценность на более высокую. Теряя при исполнении долга или даже добровольно ради общего дела свою земную жизнь, я получаю другую, лучшую жизнь, жизнь в Боге.

Если мы теперь подумаем о служебной ценности организационного начала, то связь не так легко усматривается. Уплачивая налоги, я вношу свой вклад в общенародное достояние; без упорядоченного денежного хозяйства государство было бы плохо организовано и на пути к благотворному согласованию интересов не могло бы толково организовать ни деятельности своих органов (учреждений, полиции и т.д.), ни деятельности своих граждан (например, в области хозяйства путем разумной экономической политики). Что уплаченный мною налог именно мне принесет пользу — отнюдь не так ясно видно. Руководители предприятия, разоряюще-

гося под тяжестью налогов, не так-то легко признают, что экономическая политика государства полезна их предприятию до такой степени, что окупает уплаченный налог. Но тут мы можем сказать: либо налоговая система порочна и служит — по крайней мере в определенных случаях и в определенной степени — не на пользу, но во вред обществу, либо данное предприятие неправильно распорядилось своими средствами и не сумело воспользоваться способствующими экономическому развитию элементами государственной политики. Если налоговая система и в самом деле служит на пользу обществу, а жизнеспособное предприятие правильно понимает собственные интересы и умеет сообразоваться с экономической конъюнктурой, дела его пойдут определенно лучше, чем если бы оно не платило налогов, а государство не проводило бы финансируемых налогоплательщиками общепользных мероприятий.

в) Пределы требований общества

Стараясь точнее определить, когда и в чем общественному интересу следует отдавать предпочтение перед частным интересом отдельного лица, мы, естественно, пришли к некоторым выводам о том, что может требовать общество от своих членов во имя общего блага. Из заложенной в основании общества солидарности, из взаимной ответственности объединения за своих членов, а членов за свое объединение вытекает, что взаимные требования диктуются характером дела, которому служит данное объединение. В случае кегельного клуба, с его чрезвычайно ограниченной задачей, стоящей к тому же отнюдь не высоко в объективной иерархии ценностей, взаимные требования будут несравненно ниже, нежели в случаях семьи или государства с их многочисленными, нередко очень высокими ценностями. Мы наметили, таким образом, предел, который требования общества не имеют права переходить ни при каких обстоятельствах; но мы не знаем

еще, в каких случаях допустимо подводить требования общества вплотную к этому пределу.

Что нужно для общего блага?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо различать между тем, что необходимо для общего блага, и тем, что для него лишь полезно, без чего можно и обойтись. Разумеется, можно только приветствовать, если члены объединения делают многое, что повышает самочувствие и благополучие их сообщества, но что без вреда можно было бы и не делать. В любой хорошей семье члены ее делают немалое число вещей, украшающих семейную жизнь, вносящих в нее радость и счастье, оказывают друг другу разного рода услуги, готовят приятные сюрпризы и т.п., хотя можно было бы жить и без этого. Но именно потому, что они не обязательны и никто не может их требовать, эти знаки внимания превращаются в добровольные дары переполнения. В полноценной семье вопрос о том, что можно и что должно требовать, не имеет значения. Но в других сообществах, особенно в государстве, этот вопрос исключительно важен. Правители обязаны знать, что они имеют право требовать, а каждый отдельный гражданин обязан знать, какие требования к нему законны и должны поэтому исполняться, а какие выходят за рамки обязательности и, следовательно, могут быть отвергнуты. (В правовых государствах гражданин имеет право жаловаться в административные суды, а при определенных условиях и в конституционный суд, ища защиты от неоправданных требований).

Правило здесь гласит: общество не имеет права требовать всего, что полезно для общего блага; более того, оно имеет право требовать лишь то, что необходимо для общего блага. Это и понимается под «необходимостью общего блага» (по-латыни «*necessitas boni communis*»).

Чтобы уяснить себе, что именно принадлежит или не принадлежит к этой «необходимости общего блага», нам следует еще раз вернуться к различению между общим делом и общим достоянием как организационной и организующей служебной ценностью.

Источник обязательств заложен в общем деле как самоценном предмете, определяющем место данного объединения в иерархии ценностей. Член объединения не имеет права испортить или даже только повредить этому делу; он обязан соблюдать подлинные интересы объединения. Другими словами, член объединения должен исполнять все, без чего исчезает сама задача объединения. Для существования объединения и осуществления поставленной ему задачи как самодовлеющей ценности делание общего дела нуждается в служебной организационной и организующей ценности общего достояния, общего имущества, общей организации. Из этого следует, что налагающая обязательства сила общего дела распространяется на все, что относится к понимаемому таким образом общему достоянию, ибо это достояние охватывает именно то, — причем все то и только то, — что обеспечивает действенность объединения, т.е. то, что необходимо для поддержания объединения в том состоянии и порядке, в котором оно способно сохранять верность предмету своего служения и осуществлять свое общее дело.

К тому, что нужно для этого, принадлежит поэтому и мое участие в осуществлении общего дела, и в меру этого участия — те усилия и труды, которые я должен приложить для сохранения дееспособности объединения как целого.

Если объединение располагает органами, с помощью которых оно реализует ценности, которым оно призвано служить, если, например, государство содержит полицию, обеспечивающую порядок и безопасность, то в качестве гражданина этого государства я не обязан сам непосредственно уча-

ствовать в ее работе, — достаточно того, что я не нарушаю порядка и безопасности. Однако я должен соучаствовать в создании условий, позволяющих государству содержать полицию, иначе говоря — я должен нести свою долю расходов, уплачивая полагающиеся налоги. В демократическом государстве в качестве располагающего голосом избирателя я должен следить за тем, чтобы государство располагало дееспособными органами власти (парламентом, правительством). Участвовать в управлении, осуществляющем общегосударственные задачи, в качестве рядового гражданина я не обязан, но, голосуя на выборах, я вношу свою лепту в общественное достояние, я обеспечиваю самую возможность создания правительства, которое может управлять страной, и, подавая свой голос, несу ответственность за то, чтобы оно хорошо управляло. Государственное объединение может от меня это требовать, и в качестве гражданина я обязан исполнить это требование.

СОЛИДАРИЗМ

Если солидарность составляет основу человеческого общежития, то учение о человеческом обществе должно строиться на принципе солидарности. Систематически построенное учение о человеческом обществе принято называть «общественной системой». Это учение или эта система, т.е. все, что должно быть приведено в форму систематических высказываний о структуре, порядке и смысле человеческого общества, если оно выводится из рассмотрения солидарности, мы называем «солидаризмом».

Обе известнейшие системы — индивидуализм и коллективизм — односторонне исходят либо из отдельной личности (индивидуализм), либо из общества (коллективизм).

Для индивидуализма отдельный человек (индивид) — это все, в то время как общество — лишь нечто, чем этот индивид пользуется, причем в той лишь мере, в какой он ожидает от него пользы для себя. По сути дела индивидуализм вообще не признает никакой общности, но лишь взаимоотношения, которые, подобно шнурам, проходят от одного индивида к другому, и за которые он может потянуть, когда ему понадобится что-либо от другого индивида.

Для коллективизма, наоборот, общество — это все, а отдельные люди — лишь шестеренки в огромном механизме, не имеющие сами по себе никакого значения, винтики, которые можно заменять, если они плохо работают. И в этом представлении по сути дела подлинная общность подменена неким левиафаном, который называется «обществом», «народом» или как-либо иначе. (Гитлер: «народ — это все, отдельная личность — ничто».) (Для Сталина люди тоже были лишь «винтиками великого государственного механизма». — Прим. пер.)

Противники солидаризма утверждают, будто солидаризм есть некая смесь из индивидуализма и коллективизма, что он лишь сглаживает отдельные противоречия то в одном, то в другом направлении, стремясь отыскать нечто среднее; на самом же деле получается неопределенная серединка-на-половинку, лишенная принципиальной ясности.

Солидаристы решительно оспаривают такую оценку. По их убеждению, особенность солидаризма состоит именно в том, что он с первого же шага отбрасывает односторонность подхода как индивидуалистов, так и коллективистов и пытается подойти сразу с обеих сторон. Ему нет нужды сглаживать односторонности, потому что он с самого начала видит отдельного человека (личность) в гармоническом сочетании с другими людьми, в том взаимосплетении и взаимодействии, в системе прямой и обратной связанности, которая выражается в соли-

дарности. Индивидуализм и коллективизм одинаково лишены понимания этой взаимосвязанности; они признают связанность только в одном направлении.

Дорога не есть лишь середина между двумя канавами, и еще меньше — смесь из двух окаймляющих ее по сторонам кюветов; у нее есть собственный профиль и собственное основание (пакелаж и т.д.), и покрытие дороги не сводится к выемке между двумя кюветами. То же самое можно сказать об отношении солидаризма к индивидуализму и коллективизму. В его фундамент положен принцип солидарности, против которого грешат как индивидуализм, так и коллективизм, хоть и в противоположных направлениях. Доктрина солидаризма охватывает ряд научных положений; некоторые из них касаются также вопросов, по которым имеются индивидуалистические и коллективистские высказывания. Будучи свободен от односторонностей этих доктрин солидаризм нередко (но отнюдь не всегда!) оказывается посередине между ними, но это для него так же не обидно, как для водителя автомобиля не обиден тот факт, что он ведет свою машину по дорожной насыпи, посередине между двумя канавами.

ГЛАВА 2

СОЛИДАРНОСТЬ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В качестве принципиальной основы строения человеческого общества как в отношении его структуры, так и в отношении его бытия начало солидарности выражает то, что неизменно **есть**. Но этим оно не исчерпывается. В нем выражается также и то, что **должно быть** или должно стать. В нем заложено указание, как нужно правильно строить человеческое общество, а следовательно, — как мы должны его строить. Оно ведет нас к пониманию, что мы подготовлены к этому, что сама наша природа толкает нас к тому, чтобы строить его именно так, а не иначе.

Человеческое общество — не жилое здание и не храм, готовый к пользованию, как только окончены строительные работы. Здание человеческого общества все время достраивается и перестраивается. Части его приходят в негодность, и их приходится удалять. Растущее число обитателей заставляет расширять общий дом. А поэтому здание человеческого общества не есть нечто безжизненное или навсегда законченное; оно гораздо больше похоже на живой организм, и в нем, как в организме, действуют законы роста, причем вместо выражения «законы роста» мы можем также сказать «законы развития». Если мы хотим узнать, как развивается общественный организм, мы ставим вопрос о законах его развития. Ответ на этот вопрос гласит: начало солидарности, которое мы признали основой строения человеческого общества: есть вместе с тем также и закон его развития.

Наше утверждение, что начало солидарности — не только основа структуры уже однажды построенного человеческого общества, в том виде, в

каком оно перед нами, но также и закон его развития, на основе которого продолжается и будет продолжаться его дальнейшая отстройка, — может быть доказано. Мы ведем это доказательство двумя путями. Во-первых, мы стремимся показать, что в солидарности заложена сила, способная управлять развитием, определяя его направление, а во-вторых, мы выводим из опыта, что это развитие и в самом деле определялось и определяется началом солидарности.

НАЧАЛО СОЛИДАРНОСТИ КАК СИЛА, ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ХОД РАЗВИТИЯ

а) Солидаризм как этический принцип

Если принять, что человек создан так, что отдельная личность предуготована к жизни в коллективе, а каждый отдельный коллектив — к существованию в лоне охватывающего его общества и наоборот, то не может быть сомнения, что следуя священной воле Бога, люди должны вести себя согласно этому положению вещей. Неразумные твари ведут себя так, как того требуют заложенные в них Творцом закономерности их бытия; они просто не могут вести себя иначе. Другое дело — человек, существо одаренное разумом и свободой. Вложенные в него Творцом законы его бытия не содержат в себе принудительной неизбежности, которой человек не мог бы не подчиниться: сплошь да рядом они выражаются лишь в форме настоятельного призыва, обращенного к его благоразумию и свободному самостоятельному решению поступать в согласии со своей природой, т.е. в согласии с законами своего человеческого бытия. Такова Божия заповедь, заповедь, которую Творец в своей мудрости и святости возложил на свою одаренную разумом тварь, нравственное требование, этический принцип. Взаимосвязанность личности и общества должна быть принята при этом во внимание. Мы обязаны вести себя с вытекающей из этого ответственностью, причем и

тогда, когда в данном конкретном случае вполне можно в собственных эгоистических интересах избежать ответственности или поступить безответственно.

Это нравственное требование обращено к каждому и говорит ему: поступай достойно члена общества перед лицом той взаимосвязанности, в которой ты находишься. Но оно обращено и к обществу, то есть к тем, кто непосредственно строит это общество или выступает от его имени и повелевает им: поступайте так, чтобы не только ставить требования к человеку в силу того, что он привязан к обществу, но также и так, чтобы все время помнить и о привязанности общества к каждому из своих членов и о возложенной на вас этим ответственности.

Из принципа солидаризма мы знаем, кроме того, что именно составляет содержание этой ответственности и вытекающей из нее деятельности. Деятельность любого коллектива и его членов состоит в том, чтобы реализовать те ценности, которые могут реализоваться в данном коллективе и только в нем; воплощение этих ценностей есть общее дело, на которое направлен данный коллектив. Из того же принципа солидарности мы знаем также, что должно делаться для него обществом в целом и отдельными его членами: путь к общей цели ведет через организующие и организованные усилия материального, психологического и организационного порядка; все, что требуется для этого, требуется от всех участников общего дела вместе взятых. Следовать требованиям общего дела, подчинить им личные интересы как рядовых членов, так и носителей власти в каждом данном сообществе — вот нравственное требование, которое ставит перед нами солидаризм и за которое он возлагает на нас ответственность.

б) Солидаризм как правовой принцип

аа) Верховное начало правопорядка

Лишь определенная часть нравственности входит также и в правопорядок. В силу этого только часть этических принципов можно считать также и принципами права, а именно — только те, которые упорядочивают ту область общественных отношений, которую мы имеем в виду, говоря об области права. Эта область, в которой осуществляются взаимоотношения между людьми в той мере, в какой они противостоят друг другу, представляя притязания отдельной личности к обществу и общества — к отдельной личности. Именно к этой области относится, как мы уже видели выше, и принцип солидарности не только как принцип общественного строительства, но и как нравственное начало. В силу этого принцип солидарности совершенно очевидно входит в число основ правопорядка; более того, он представляет собой если не единственный верховный, то один из верховных принципов правопорядка вообще. Любое право, устанавливаемое человеческим законодательством в интересах упорядочения общественной жизни, может развиваться только в рамках, поставленных ему принципом солидарности. Любой закон, не укладывающийся в эти рамки, именно поэтому оказывается выражением не законности, а беззакония. (Это положение для российского солидаризма разработано с предельной ясностью в книге Е. Трубецкого «Энциклопедия права». — Прим. пер.)

бб) Виды справедливости.

Статическая и динамическая перспективы

Поскольку принцип солидарности есть принцип права, он ставит требования, причем одинаково как к отдельному лицу, так и к обществу в целом во имя права и справедливости. В учебниках обычно различаются три вида справедливости: уравнительная справедливость (называемая также справедли-

востью при сношениях и обмене), справедливость при распределении и справедливость, закрепленная в законе. Такое различие предполагает наличие уже отстроенного общества, в котором уже установлены незыблемые меры пользования как уравнительной, так и распределительной справедливостью, а равно действуют законы, ясно и недвусмысленно указывающие, чему в них надлежит повиноваться. Принцип солидарности, однако, представляет собой устрояющий принцип не столько того общества, которое мы наблюдаем уже в упорядоченном готовом виде, сколько закон развития всегда недоустроенного, постоянно нуждающегося в дальнейшей отстройке и перестройке развивающегося общественного организма. Три названных вида справедливости, а в частности, понимаемая в узком смысле слова справедливость, зафиксированная в законах, поэтому недостаточны. В качестве принципа развития начало солидарности не только опирается на уже действующие законы, но во имя справедливости ставит требования к законодателю, указывая, какие законы должны быти изданы и на что их следует направить. Во имя справедливости солидаризм требует от нас, членов общества, не ожидать, пока необходимые меры будут приняты в законодательном порядке, но и без законодательных и иных начальственных мер, по собственной совести делать то, что в данных обстоятельствах пойдет на благо обществу. Этот вид справедливости мы назовем «социальной справедливостью»; название ново, но содержание старо, как сама общественная жизнь.

В прошлом великие католические теологи и правоведы говорили о «всеобщей справедливости» (*iustitia generalis*), противопоставляя ее «партикулярной справедливости» (*iustitia particularis*). То, что мы обозначаем ныне как «справедливость закона» (*iustitia legalis*), было для них частью «всеобщей справедливости». «Всеобщая справедливость» обязывает ко всему, что требуется для общего блага.

Сюда относится, разумеется, в частности, и то, что законодатель или уполномоченное к тому управление общественной жизнью устанавливает требования общественного блага и выражают их в общеобязательных приказах и запрещениях. Повиновение законам и другим законным распоряжениям («узаконенная справедливость») действует лишь в одном направлении: оно привязывает отдельное лицо (члена) к обществу и к его законным распоряжениям. Другая и более существенная часть всеобщей справедливости, «социальная справедливость», напротив, связывает, подобно принципу солидарности, в двойном смысле: с одной стороны, она привязывает отдельного члена и отдельные органы к охватывающему их общественному целому, в которое они входят, с другой стороны, она привязывает и само общество к его членам, — как к отдельным личностям, так и к объединениям, из которых оно в конечном счете состоит, причем происходит это преимущественно в ходе постоянной дальнейшей отстройки общественной жизни, в направлении, в котором она развивается.

Если разделять виды справедливости, как это делается во многих современных учебниках, на уравнительную, распределительную и узаконенную справедливость, то за этим разделением (сознательно или бессознательно) стоит представление об уравновешенной, закрепленной в состоянии покоя общественной системе (статическое представление об обществе); если же говорить в указанном нами смысле о «социальной справедливости», то перед нашим умственным взором встает общество в его становлении, в движении его развития (динамическое представление).

вв) Любовь и право

Добросердечные люди хотели бы понимать общественную жизнь как исток и выражение любви.

Будь мы все правильно настроены на любовь к ближним, жизнь в обществе была бы совершенна и, по мнению таких людей, не нуждалась бы в правопорядке. Такое мнение свидетельствует о добронамеренности, но тем не менее оно совершенно не понимает природы общества. Я могу, — а как христианин я попросту должен, — поддерживать справедливый порядок в общественности и вести себя с другими людьми так, как подсказывает мне естественная доброжелательность. (Это слово хорошо уясняет, что в общественной жизни имеется в виду под словом «любовь».) Но каков этот справедливый порядок, каким образом в общественной ткани все правильно переплетается одно с другим, и что требуется для общественного благополучия, определяется не любовью, а ясно и определенно правом. Разумеется, любовь обостряет нашу способность видеть, в чем заключается справедливый порядок и каким должно быть достойное поведение. Но даже самый острый глаз может видеть только то, что есть. А то, что есть, должно быть сначала определено правом; только тогда любовь может усмотреть и побудить нас к исполнению должного. Право и вытекающие из него организационные выводы — отнюдь не «аварийные» или защитные мероприятия, которые предпринимаются лишь вследствие того, что в обществе появляются нарушители порядка, с которыми приходится бороться, чтобы оно не развалилось или не пришло в расстройство и не потеряло дееспособности. Нет, право — это основание упорядоченной жизни общества, обеспечивающее достойный и справедливый порядок в противоположность беспорядку, который влечет за собой бесправие. Таким образом, право — это заложенный в самой сущности принцип общественной жизни, и можно смело сказать: право есть именно то, что делает общество обществом.

СОЛИДАРНОСТЬ УБЕЖДЕНИЙ И СОЛИДАРНОСТЬ ПОСТУПКОВ

Говоря о солидарности в нравственных установках и убеждениях, мы имеем в виду внутреннюю насущность человека — можно было бы также сказать: его сознание ответственности, — побуждающую его принять всерьез свою вплетенность в живую ткань общества и готового в силу этого нести в ней свою долю ответственности, а короче говоря, блюсти верность своему обществу и всем остальным его членам, опираясь в то же время на это общество и доверяясь той помощи, на которую он может претендовать в качестве его члена на основании исконной взаимосвязанности личности и общества. Особенно в периоды общей нужды и опасности, когда вступает в силу требование «все за одного, один за всех», эта нравственная солидарность проявляется во всей своей красе и силе. Она становится тем сильнее, чем теснее общественные связи, чем крепче члены данного общества связаны в счастье и в горе и чем интенсивней они переживают эту связь.

Эта солидарность внутреннего настроя и убеждения — ответ, который человек дает в своем качестве морально ответственной личности на вызов существующей помимо его воли и не зависимой от его участия исконной взаимосвязи с другими людьми. В частности, между товарищами по несчастью эти междучеловеческие связи во многих случаях укрепляются и становятся еще теснее именно для того, чтобы проявить эти убеждения и этот духовный настрой.

Принято особенно много говорить о солидарности рабочего класса. Общность судьбы всех работающих по найму в современном обществе налицо; она налицо независимо от того, сознают ли ее сами работающие, признают они ее или не признают. Но после того, как рабочие ее однажды признали, из нее вырастает рабочее движение; трудящиеся объединяются в организации различного рода, в частно-

сти в профессиональные союзы. Этим их солидарность не только эмоционально укрепляется, но, что еще важнее, превращается в действие.

В начале лежит всегда фактическое положение вещей. Оно должно быть осознано; только тогда образуется то сознание ответственности друг за друга, та нравственная настроенность на солидарность, которая ведет к солидарному поведению. Если в сознании господствует неправильное, искаженное или полностью фальсифицированное представление о положении вещей, оно неизбежно приводит к ложной солидарности. Среди трудящихся солидарность укрепилась тогда, когда у рабочих появилось классовое сознание. К сожалению, у значительной части рабочих классовое сознание было фальсифицировано под влиянием марксистского социализма, односторонне направленного на классовые противоречия и разжигающего классовую зависть и классовую ненависть, не обращая внимания на взаимозависимость различных классов общества. Это влияние отравило классовое сознание и направило исходящую из него волю к солидаризации исключительно на борьбу за уничтожение классового врага. Воли к созданию нового и лучшего общества объединенными силами и в подлинном сознании ответственности в нем не оказалось.

В настоящее время значительное большинство организованных в профсоюзы трудящихся по найму и созданные ими профессиональные организации (в капстранах. — Прим. пер.) отлично понимают свою ответственность за общественное целое и готовы принять на себя эту ответственность; но и пережитки марксизма продолжают существовать, причем их тем больше, чем больше отстало от общемирового прогресса положение в данной стране.

Фактическое положение вещей и наши представления о нем всегда будут определять характер солидарности. О том, есть ли еще существенная разница между положением рабочих, с одной стороны, и служащих по найму и даже чиновников — с другой,

имеются разные мнения. За последние десятилетия, без сомнения, многое сильно изменилось. Если принять, что различия между рабочими и служащими в основном сгладились, то рабочие и служащие будут объединяться в однотипные организации (профсоюзы), будут чувствовать себя солидарными друг с другом и солидарно выступать друг за друга. Если же на самом деле, или хотя бы только в сознании, между положением служащих и рабочих остается существенное различие, то они будут организовываться отдельно друг от друга, и каждая организация будет проявлять солидарность в убеждениях и особенно в действиях в своей собственной среде, а вне ее — лишь в сильно ослабленном виде.

Совершенно подобно этому обстоит дело в области внутринациональных и международных отношений. До тех пор и в той мере, в какой отдельные страны представляют собой закрытые хозяйственные системы, профессиональная солидарность ограничивается рамками каждой отдельной страны. Приток иностранной рабочей силы тормозится всеми средствами; иностранный рабочий, особенно если он готов продавать свой труд по сниженной цене, воспринимается как недобросовестная конкуренция, отнюдь не как товарищ по классу, а почти как враг. Лишь когда общность судьбы трудящихся и в международном плане станет реальностью, и в той степени, в какой эта реальность будет на их собственном опыте пережита и прочувствована в ее положительных и отрицательных последствиях, у них может появиться сознание взаимной ответственности за пределами национальных, государственных и хозяйственных границ и начать развиваться международная солидарность труда, поначалу лишь в прекраснодушных программных декларациях, но постепенно также и в практической взаимопомощи.

Мы видим перед собою, таким образом, сначала факт переплетающихся общественных взаимосвязей, затем осознание этого факта и понимание вытекающей из него взаимной ответственности, и,

наконец, закрепление и завершение солидарности в душевном настрое и в конкретных действиях. Так оно и должно быть, и не может быть иначе: принцип солидарности действует сначала в бытии и лишь затем выводится в долженствование, и все идет хорошо, если в конце концов солидарность как благородный плод вызревает не только в намерениях, но и в делах.

2. ОПЫТНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПРИНЦИПА СОЛИДАРНОСТИ

а) Опыт истории

Человек — не только общественное, но и историческое существо. Неразумное в природе не знает истории; оно знает лишь процессы, строго закономерно протекающие в пространстве и во времени. Лишь человеку достался дар жить не только во времени, но и в истории. Поскольку же человек — не социальный атом, не замкнутое в себе отдельное существо, но по самой своей природе существо общественное, история человечества или, как принято говорить, мировая история есть история общественных событий. Если же это так, и начало солидарности, как мы утверждаем и стараемся доказать, лежит в основании общественного развития, то и раскрытие и развитие возможностей, заложенных в природе человека, определяются этим началом. По этому раскрытию и развитию можно судить о его действительности, и если это так, то наше утверждение о том, что принцип солидарности лежит в основе развития человеческого общества доказывается историческим опытом.

Для такого доказательства в полном его объеме нужно было бы, конечно, просмотреть всю историю человечества, проверяя, происходил ли исторический прогресс (а иной раз и регресс) и на самом деле неизменно в фактическом и в то же время осознанно ответственном взаимодействии между

отдельной личностью и обществом. Это значило бы — написать многотомную историю мира и исследовать развитие отношений между отдельным человеком и государством, отдельными государствами и сообществом народов, но также и отдельных общественных групп и обществом как целым.

Нам приходится удовлетвориться здесь лишь одним примером, причем как пример мы возьмем включение рабочего класса в общенародное целое, а выражаясь иначе, — включение в общий процесс хозяйствования и в хозяйствующее как целое тех, кто отдает в экономику свою рабочую силу. Как показывает дискуссия об участии рабочих в управлении предприятием, даже в передовых странах это включение еще не закончено. Оно не только дело отдельных ведущих личностей и не только результат давления организованного рабочего движения; еще меньшую роль сыграла в нем исходящая от народа как целого в его государственном объединении или в других формах единства притягательная сила, способная неудержимо, без собственного участия трудящихся включить их в широкую гражданственность. Это включение происходит еще и сейчас под постоянным давлением и противодействием; рабочий класс борется за свое достойное место в обществе, но и общество борется за то, чтобы не оказаться отчужденным или подавленным этим классом, но предоставить ему занять то место, на котором он сможет наилучшим и наиболее эффективным путем внести свой вклад на благо целого. В той мере, в какой эта цель достигается хотя бы в определенном приближении, давление и противодействие уменьшаются, напряжение ослабевает и противостоящие друг другу рабочий класс и национальное целое вступают в упорядоченную взаимосвязь и находят — всегда некончателное — успокоение, без воздействия выражающейся в принципе солидарности двусторонней взаимосвязи и заложенной в ней взаимной ответственности они не могли бы обойтись и развалились бы на отдельные части.

б) Опыт воспитания

То, что отразилось в историческом развитии человечества и человеческой культуры, выражается также в деле воспитания и в самой его задаче выращивания и раскрытия человеческой личности. Недаром говорится, что воспитание — это «воля к благополучию возрастающего человека», забота о нем и любовное старание вырастить личность. Созревание и раскрытие личности означает, однако, ее вращение в «обязательство по отношению к заданной людям совместной деятельности по неустанному воплощению объективных ценностей культуры». В силу этого общество участвует в воспитании не только как его источник, но и как его цель. Однако воспитание не сводится к дрессировке воспитуемого и к показу ему ценностей выработанной данным обществом культуры с тем, чтобы наложить на него обязательства и приковать его к ним, если понадобится, то и принудительными мерами. Разумеется, вращение в систему нравственно обязательных действий, направленных на воплощение объективных, а следовательно, также не подлежащих произволу культурных ценностей и ответственность за эти действия составляет жизненный процесс для воспитуемого, который может протекать лишь когда воспитуемый заведомо предрасположен к усвоению этих ценностей, а ценности эти, составляя нравственное содержание общества дороги в то же время и самому воспитуемому, ибо не только ставят к нему требования, но и несут ему радость, обогащают его, делают его счастливее и со своей стороны помогают ему раскрыть свою человечность, а говоря языком христианского богословия, — достигнуть мужественной зрелости во Христе Иисусе. Возрастающая духовная и нравственная полнота вращающегося в общество человека обогащает это общество, как и наоборот, — ценностная наполненность общества не только содействует процессам роста, созревания и раскрытия личности, не только указывает ей направление и

дает ей поддержку, но и питает личность своим содержанием.

Этим уясняется, как точно мы можем назвать начало солидарности началом связи и сочетания. Личность по самой своей данной ей Творцом природной сущности направлена на объективные ценности, составляющие культурное достояние общества; и наоборот, ценности общества направлены на каждую отдельную личность, которая и предназначена к тому, чтобы вращаться в них, а вместе с тем и в общество.

Размышляя о том, каким образом объективные ценности культуры, к служению которым воспитывается юная, еще не созревшая личность, мы видим, как происходит наследование ценностей культуры, как от поколения к поколению эти ценности сохраняются для общества и как нерасторжимо связаны воедино процесс истории и процесс воспитания новых поколений. Каждый из этих процессов, однако, и в отдельности и каждый сам по себе достаточен, чтобы подтвердить на основе опыта то, что мы принципиально установили ранее: солидарность есть основа развития человеческого общества.

ГЛАВА III

ПРИНЦИП СОЛИДАРНОСТИ В КОНКРЕТНОМ ПРИМЕНЕНИИ

Если принцип солидарности заложен в основу всякого человеческого общества, а кроме того составляет закон развития общественной жизни человека, то это значит, что везде, где люди живут в сообществе или поддерживают между собой общественные отношения, он либо уже реализуется (фактическое состояние), либо должен быть реализован (требование права). Разумеется принцип солидарности должен применяться во всех случаях жизни. Здесь не место разбирать, когда и в какой мере это происходит в сознании ответственности, а когда люди ведут себя безответственно в противоречии с требованиями солидарности; здесь мы хотим прежде всего отдать себе отчет в том, какие конкретные применения требуются принципом солидарности, иначе говоря, — как должны быть отстроены различные объединения людей и сферы их жизнедеятельности, чтобы оставаться в созвучии с принципом солидарности, чтобы удовлетворять его требованиям. Для этого нам следует, хотя бы вкратце, пересмотреть важнейшие сообщества и сферы жизнедеятельности человека.

1. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ

Человечество во всем его целом и в самом деле составляет общественное единство не только потому, что оно происходит от одной пары предков, но прежде всего потому, что все люди, в силу их человеческой природы, предрасположены к жизни в обществе. В конечном счете они осуществляют свою человечность именно тем, что служат одним и тем же ценностям, как они определены Творцом. Этим

осмыслено и сотрудничество в едином сочетании действий, направленных на неустанную реализацию их общей «объективной культуры». Совокупность объективных ценностей этой общей культуры составляет то, что мы называем «общечеловеческим достоянием». Исходя из этого, можно сказать кратко: существует только одно общечеловеческое достояние; в нем должны иметь свою часть все люди, причем не только во владении и пользовании, но прежде всего в его активной реализации. Эта реализация, однако, выражается в системе нравственно-обязательного порядка действий, направленных на неустанное воплощение ценностей культуры. Поскольку же в виду имеется всеохватывающая система действий, в которую втянуты все населяющие землю люди, то другими словами можно назвать человечество единым сообществом, единой общечеловеческой семьей, охватывающей всех земнородных.

В качестве правового принципа принцип солидарности требует для этой общечеловеческой семьи установления общего правопорядка, т.е. обязательных для всего человечества правовых норм; мы называем их международным правом. Кроме этих общих нормативов необходимы, однако, еще и определенные правовые учреждения или организации, причем их требуется все больше и больше. Еще до недавнего времени было достаточно организации наподобие всемирного почтового объединения и других, облегчающих деловой обмен между странами, или международных договоров по защите литературных, художественных или изобретательских прав. В последние десятилетия взаимодействие и взаимопереплетение всех частей света стало настолько тесным и плотным, что уже ни одна страна и ни один народ не могут существовать сами по себе и жить при этом в благополучии и мире, что все большее число задач можно решить только вместе, потому что общечеловеческое благо может быть достигнуто только в результате общечелове-

ческой ответственности. Какие именно органы, выражающие взаимную ответственность народов, членов единой общечеловеческой семьи, должны быть созданы в ответ на все возрастающую взаимосвязанность, ныне еще не видно. После развалившейся во Второй мировой войне Лиге Наций теперешняя Организация Объединенных Наций с ее Советом Безопасности представляет собой лишь вторую, по-видимому, тоже неудачную попытку.

Папа Иоанн XXIII в своей энциклике «*Racet in terris*» (о мире на земле) требует создания всемирной верховной власти, наделенной достаточными полномочиями, чтобы обеспечить действенность ее распоряжений. По случаю своего посещения ООН в энциклике «*Populorum progressio*» (о процветании народов) папа Павел VI подхватил это требование. Несмотря на неотложную потребность в таком учреждении время для его создания еще не созрело, что оба папы отлично сознавали. Но не должно быть потеряно сознание того, что и в этой верховной общечеловеческой сфере начало солидарности действует как принцип бытия и как принцип права, что ныне уже никто, ни одна страна и ни один народ не могут уклониться от ответственности за судьбу всего человечества, как и человечество в его целом — от ответственности за процветание каждой входящей в него страны и каждого народа. Среди обязательств всех и каждого по отношению ко всему человечеству сохранение и укрепление мира во всем мире стоит бесспорно на первом месте, а среди общечеловеческих обязательств по отношению к слабейшим членам семьи народов также бесспорно стоит сегодня то, что мы называем «поддержкой в развитии».

2. ПРИРОДНЫЕ СООБЩЕСТВА

Правовое и организационное единство, как оно задано принципом солидарности, яснее всего обнаруживается в тех двух сообществах, которые мы называем «естественными» или «природными»,

— в семье и государстве. (У русских солидаристов, — в частности, в НТС, — как природное, само собой возникающее сообщество рассматривается обычно не государство, а нация, народ, народившийся исторически на основе семьи и рода. Государство же рассматривается как его организационное оформление. — прим. пер.).

а) Семья

Безусловно, семья — это ячейка любви и совместной жизни, которой нет нигде подобных. Тем не менее, и она живет на основе права и представляет собой организацию с ясным правовым членением, начальствующими и подчиненными. Но ни в одном другом сообществе нет такой тесной и солидарной связи людей друг с другом, как в семье. В семье жизнь и в самом деле идет по правилу «все за одного, один за всех». И семья действительно здорова только тогда, когда соблюдено равновесие прямых и обратных связей. Каждый член семьи должен знать, чем он обязан семье, но и семья не имеет права жертвовать своим членом ради каких-либо целей семейной политики, блеска, славы или богатства рода; наоборот, — все, что делается ею, должно быть направлено на подлинное благо ее членов, и все усилия должны быть приложены к тому, чтобы привести каждого из ее членов к полноценной зрелой человечности. Так, семья в ее целом и каждый член семьи в отдельности несут друг перед другом взаимную ответственность.

б) Государство

Гражданин государства связан требованиями общего блага; это благо заключается, однако, в первую очередь, в справедливом порядке совместной жизни в государстве. Но этот правопорядок не только обязывает отдельного гражданина по отношению к государственному целому, но также и наоборот — обязывает государство, его правителей и его органы печься о благе граждан, гарантируя им свободу и самостоятельность, и запрещает ему жертвовать хотя бы одним-единственным граждани-

ном молоху или левиафану власти и величия государства. Так что и здесь мы видим то же двухстороннее направление взаимных связей и взаимной ответственности.

3. ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО, В ЧАСТНОСТИ СОБСТВЕННОСТЬ

Солидарность связывает людей между собой. Но человек — не бесплотный дух, он состоит из души и тела. Поэтому между людьми устанавливаются не только прямые личные связи, но действует и множество различных отношений, связанных с миром вещей (материальных ценностей). Среди такого рода общественных отношений собственность, пожалуй, — древнейшее и до сего дня важнейшее.

Собственность как правовое установление означает, что кто-то один (собственник) и только он один имеет право распоряжаться данной вещью, т.е. владеть ею; все остальные, напротив, обязаны воздерживаться от воздействия на чужую собственность, мешая владельцу распоряжаться ею, а подавно отнимать у него эту собственность. Собственность есть, таким образом, правовое положение, законное право, зафиксированное только за одним собственником и противопоставляющее его всем остальным.

Собственность как бы оборачивается к собственнику открытым любезным лицом, а ко всем остальным — спиной, отгораживаясь и отталкиваясь от них. (Тот единственный, кого мы называем «собственником», может быть, конечно, отдельным лицом: но может быть также и объединением лиц, которое становится тогда «юридическим лицом» (корпорация, фонд, торговое товарищество и т.п.); но как бы это ни было оформлено, собственник и все остальные (несобственники) противопоставляются друг другу, хоть материальные ценности, составля-

ющие собственность одних, всегда так или иначе касаются и других.)

Завод, представляющий собой собственность предпринимателя, в то же время — место работы многих занятых на нем людей, имеющих определенные права, связанные с этим рабочим местом, а может быть, еще и право работать на этом месте (например, на данном станке, у данного пульта управления и т.п.). Крестьянское хозяйство, собственность крестьянина или крестьянской пары производит продукты питания, потребляемые также и некрестьянским населением, которое, поскольку оно тоже часть общества и имеет право ожидать, чтобы эти продукты производились и были доступны тем, кто в них нуждается.

Это только на первый взгляд кажется, будто собственность расположена к собственнику и открыта его интересам, отталкиваясь и закрываясь от несобственника и исключая для него возможность пользования; в действительности собственность обнаруживает две одинаково важных стороны, индивидуальную и социальную, а лучше сказать, — исполняет индивидуальную и социальную функции. Принцип солидарности связывает собственника и его собственность с окружающим обществом, возлагает на него ответственность за происходящее в этом обществе и дает обществу полномочия регулировать не только пользование собственником тем, что ему принадлежит, но и саму собственность, т.е. как правовое оформление, так и распределение собственности с тем, чтобы эта собственность несла не только свою индивидуальную, но также и свою социальную функцию. Точно так же принцип солидарности связывает, с другой стороны, и общество, возлагая на него по отношению к собственнику ответственность, не допускающую произвола и не позволяющую ему ни отнимать ее, ни донимать собственника придирками до такой степени, что он лишается всякой пользы, а собственность теряет

свою функцию служения его индивидуальным потребностям.

Так, солидаризм и в отношении собственности ищет справедливого равновесия между сторонами. Найти это равновесие, создать для него условия в меняющихся исторических обстоятельствах — непростая задача, которую приходится решать наново для каждой новой эпохи. Здесь важно правильно понять суть дела: солидаризм ставит эту задачу, но не дает для нее раз и навсегда готовых решений. Мы должны стараться по возможности компетентно найти эти решения для всей совокупности общественных и экономических, политических и культурных отношений и потребностей, памятуя, что принцип солидарности не только заложен в структуре общества, но и составляет закон его развития. Вследствия этого и порядок пользования собственностью не может быть нерушимым и неизменным; признать принцип солидарности значит также признать, что мы должны постоянно развивать и совершенствовать нашу систему собственности.

В определенном приближении можно, между прочим, сказать: на место индивидуальной собственности в современном мире вступает все расширяющееся множество других прав и форм управления материальными ценностями, как, например, с одной стороны, право на совладение, как оно выражается в акционерных обществах, обществах с ограниченной ответственностью и в кооперативных товариществах, а с другой стороны, — это активы в банках и сберкассах и иные документально гарантированные и негарантированные долговые обязательства, далее все возрастающие претензии и права на обеспечение или на исполнение обязательств по социальному страхованию и тому подобное. Оформление всего этого подлежит проверке на соответствие требованиям солидарности, иначе говоря, на справедливое соотношение меры ответственности отдельной

личности перед обществом и общества перед отдельной личностью.

В определенной степени контрагентом собственности и так или иначе родственных ей имущественных прав выступает труд, со всей объемистой сферой индивидуальных и коллективных трудовых прав, в которые входит и право на осуществление и могущество профессиональных союзов и аналогичных организаций. И здесь взаимная ответственность должна определяться в соответствии с принципом солидарности.

Область, в которой происходит все это — хозяйство, экономика. Ею поэтому нам надлежит заняться; несколько важных вопросов всплывает при этом само собой.

4. ХОЗЯЙСТВО

Ежели общество — это «нравственно обязательный порядок действий, направленных на постоянную реализацию объективных культурных ценностей», то и хозяйствование в заданных ему рамках имеет дело с реализацией чрезвычайно важной и никем не оспариваемой ценности справедливого удовлетворения потребностей. Мы можем поэтому определить процесс хозяйствования как «порядок действий, направленный на осуществление постоянного согласования потребностей и их удовлетворения».

Каким образом хозяйственное должно соответствовать принципу солидарности, мы рассмотрим вкратце для экономики вообще, а затем — в частности, с одной стороны, для национального и мирового хозяйства, а с другой — для отдельных хозяйственных образований, т.е. для предприятий и их деятельности.

а) О хозяйстве вообще

Задача хозяйствования, удовлетворение потребностей всех, очевидно, не достигается, когда

каждый хозяйствует сам для себя; для этого необходимо взаимодействие хозяйствующих людей в разделении труда, в объединении трудовых процессов и в обмене услугами. Но все это требует целесообразно упорядоченного теснейшего взаимодействия всего, что делается хозяйствующими людьми. Это взаимодействие, составляющее, так сказать, «взаимозацепление действий» в ходе хозяйственного процесса, подразумевает, что отдельные участники по собственной воле вступают в это «взаимозацепление», сознавая свою ответственность за удовлетворение всеобщего спроса. Их толкает к этому в известной мере их собственный интерес, и либеральная школа политэкономии не так уж неправа, приписывая правильно понятому общественному интересу отдельных лиц и конкурентной борьбе определенную регулируемую силу.

Размышление и опыт показывают, однако, что этого недостаточно, что кое-что должно делаться и исходя из интересов целого, что хозяйство нуждается в правовом порядке. Этот правовой порядок стоит перед двойной задачей. С одной стороны, он должен гарантировать добросовестное поведение отдельных хозяйствующих лиц и коллективов, указывая им, что они обязаны делать и чего не имеют права делать в силу своей ответственности за целое, с другой стороны, — он должен и сам в сознании своей ответственности способствовать благополучию тех же лиц и коллективов, обеспечивая им такие условия и такой ход хозяйствования, при котором каждому достается его доля. Для этого нужны опять же две вещи: во-первых, чтобы экономическая выручка обеспечивала трудящимся и их семьям устойчивое удовлетворение потребностей, а во-вторых, чтобы исполнение хозяйственных операций происходило не только при сохранении человеческого достоинства всех участников — как самостоятельных, так и работающих по найму, — но и создавало бы необходимые экономические предпосылки для раскрытия дарованных Творцом способностей

каждой личности, содействуя вызреванию божественных начал в человеке.

Именно это имеется в виду, когда речь заходит о том, что средоточие и смысл хозяйственной деятельности — человек. Для того, чтобы это и на самом деле было так, нужна как ответственность каждого за экономику в целом, так и ответственность тех, кто регулирует эту экономику и создает для нее рамки права. Взаимозависимость сказывается в хозяйствовании особенно ясно. Она представляет собой неизменный факт, но в то же время и заповедь, обращенную к совести хозяйствующего человека, от ее соблюдения зависит преуспевание и разорение хозяйства, а следовательно и занимающееся им и живущего от него человека.

Если можно сказать, что человек был до сих пор лишь подданным хозяйственного процесса, в то время как его человеческое достоинство требует, чтобы он стал его гражданином, то солидаризм и выраженная в нем взаимная ответственность друг за друга указывают путь к решению этой задачи. То же самое нужно сказать о распределении результата хозяйствования, общественного продукта. Требуемый для себя большего, чем ему необходимо для удовлетворения житейских потребностей, обязан принять на себя ответственность за необходимое капиталообразование, а кроме того — позаботиться о создании новых и все лучше и лучше оборудованных рабочих мест.

б) Национальное и мировое хозяйство

Экономика, понимаемая как система действий, направленных на поддержание постоянного соответствия потребностей и их удовлетворения осуществляется главным образом в рамках национальной государственности («народного хозяйства»), а в наше время также и во все увеличивающемся масштабе в более крупных хозяйственных объединениях, охватывающих целые экономические регионы, как, например, Европейское Экономическое Сооб-

щество и некоторые другие, в конечном же счете — в масштабе всей планеты («мировое хозяйство»). Все, что сказано о хозяйстве вообще, действительно преимущественно для национального хозяйства. Для него, поскольку оно ограничено суверенной территорией одного государства, существует общее государственное управление. И поэтому правящая государственная власть может и должна создавать единство правовой порядок. При этом государство не должно стремиться все регулировать и накладывать на себя таким образом всю ответственность за экономическое развитие, оно должно, напротив, предоставлять как отдельным лицам, так и отдельным хозяйственным образованиям, предприятиям и объединениям, а равно естественно складывающимся в хозяйстве и обществе группировкам, такую долю свободы, при которой они не будут чувствовать себя простыми исполнителями приказов, но смогут по собственному усмотрению и на собственный страх и риск принимать решения и проводить их в жизнь. Гармоническое соотношение между свободой и связанностью, собственной ответственностью хозяйствующих единиц и ответственностью государственной власти не всегда легко бывает отыскать, так что и между специалистами образуются расхождения во мнениях. Но и здесь принцип солидарности требует искать этой гармонии и посылить реализовать ее на практике; какое же именно решение в каждом отдельном случае соответствует принципу солидарности или приближается к этому соответствию, решает понимание дела и конкретных обстоятельств.

Чем более экономическая жизнь выходит за рубежи отдельных государств, тем теснее отдельные национальные хозяйства срастаются в единую мировую экономику. Когда же отдельные национальные хозяйства начинают обмениваться не только предметами роскоши, без которых можно было бы и обойтись, но попадают в зависимость друг от друга, получая из-за рубежа жизненно необходи-

мые товары, допустим, иностранное сырье или произведенные в других частях света продукты питания, и экспортируя в обмен изделия собственного производства, мировое хозяйство перерастает за пределы элементарных торговых связей и становится экономической системой, все части которой связаны взаимной ответственностью за судьбы друг друга. До тех пор, однако, пока нет облеченной властью инстанции, которая могла бы давать обязательные для всего мира распоряжения, над мировым хозяйством нет властной руки, способной навести в нем единообразный порядок, как это делает государственная власть для народного хозяйства. Остается поэтому лишь путь взаимной договоренности, на котором различные государства со своими национальными хозяйствами договариваются друг с другом и на договорных началах создают необходимые организации, стараясь обеспечить, чтобы различные национальные хозяйства не работали друг против друга, по меньшей мере хотя бы в общем и в целом шли общими путями, считаясь с интересами друг друга. Такие организации имеются при Объединенных Нациях. Это экономический и социальный совет ООН, Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО), Экономическая комиссия ООН для Европы (ЭКЕ); кроме того, действуют генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), конференции ООН по торговле и экономическому развитию и оба так называемых института Бреттон-Вуда: Международный валютный фонд (МВФ) и так называемый Международный банк (МБРР). Все эти договоры и организации — плоды стараний и попыток опереться на чувства ответственности как совокупности хозяйствующих народов за каждый отдельный народ, так и каждого отдельного народа за функционирование мировой экономики в целом и приложить и здесь, — насколько это возможно в нашем раздробленном мире, — принцип солидарности: «все за одного, один за всех».

в) Отдельные хозяйственные предприятия

Хозяйствование в целом есть система действий. Народное хозяйство и мировое хозяйство могут вообще существовать лишь в постоянной связи, во взаимозацеплении осуществляемых действий. Если, однако, поискать, кто же действует, кто именно хозяйствует, и где происходит это хозяйствование, то обнаруживаются отдельные хозяйственные образования, главным образом предприятия. Тех, кто ведет хозяйственную деятельность, мы называем «субъектами хозяйствования». Носители хозяйственной деятельности — предприятия и рядом с ними, в меньших масштабах, учреждения и организации, отличающиеся от предприятий прежде всего тем, что цель их существования, в противовес большинству предприятий — не получение барышей, хоть, правда, бывает, что они не только окупают свои расходы, но могут приносить и доход (как, например, сберегательные кассы).

Если понимать под предприятием или организацией субъект хозяйственной деятельности, то есть юридическое лицо, которому эта деятельность вменяется в правовом отношении, иначе говоря, на чей страх и риск производятся и продаются ценности, а под хозяйством — не только, как это случается в обычном словоупотреблении, месторасположение предприятия с его оснащением и устройством, но также и протекающие на предприятии производственные процессы, то в хозяйство входят в первую очередь люди, обеспечивающие ход этих процессов, от управляющего производством до уборщицы, и лишь во вторую очередь оборудование, с которым эти люди работают. Понимаемое таким образом предприятие есть юридическое лицо и выразитель воли данной экономической единицы, в то время как в процессе хозяйствования мы имеем дело непосредственно с участвующими в этом процессе живыми людьми.

аа) Отдельные предприятия и хозяйство в целом

Весь хозяйственный процесс протекает в этих отдельных предприятиях. Это так даже в случае тотально-коллективистской экономики, в которой государство — единственный субъект хозяйствования, единственный предприниматель и работодатель (как это имеет место в советском хозяйстве. — Прим. пер.). Государство тогда — единственный монопольный хозяин, но хозяин чудовищного множества тем не менее существующих предприятий. Такое положение вещей в самом замысле противоречит, конечно, принципу солидарности, и незачем поэтому спрашивать, как можно было бы применить в нем этот принцип. Вся ответственность перекладывается при таком хозяйствовании на верховное управление, и все нижестоящие инстанции должны лишь исполнять спускаемые сверху распоряжения. Иначе обстоит дело, когда в экономическом процессе принимает участие не только множество предприятий, но также и множество самостоятельных субъектов хозяйствования, предприятий или иных хозяйствующих организаций. В таком случае возникает два условия для взаимной ответственности, и можно ставить вопрос о том, в чем эта ответственность практически выражается и как удовлетворить ее требования.

Предприятия/организации обязаны учитывать в своей деятельности народнохозяйственные задачи и в силу этого принципа не предпринимать ничего, что могло бы повредить народному хозяйству; но они должны также принимать во внимание и интересы других предприятий и не становиться на путь недобросовестной конкуренции, направленной на блокирование и разорение других предприятий. С другой стороны, общество в целом, а конкретно — органы управления, занимающиеся регулированием экономики и проводящие в жизнь экономическую политику, несут свою долю ответственности за работающие в этой экономике предприятия и обязаны создавать им условия, в которых они, успешно рабо-

тая, приносили бы пользу себе, занятым в них рабочим и служащим и тем, кого они обеспечивают товарами или услугами, коротко говоря, — потребителей.

6б) Внутренняя жизнь предприятия

Непростые вопросы возникают в сфере ответственности друг перед другом внутри предприятия и среди занятых в нем работников. Если руководство предприятия есть выразитель воли людей, занятых в его хозяйстве, то, спрашивается, за кого и за что оно несет ответственность, а поскольку в конечном счете лишь человек как одаренный совестью носитель нравственного начала способен принять на себя ответственность, то кто именно может и должен принять ее на себя?

Очевидно, что руководители предприятия отвечают за ход производства и за судьбу занятых в нем работников. Но к этому надо добавить и встречную ответственность работающих за состояние и успех предприятия. Спрашивается поэтому: должны ли эти работающие быть лишь исполнителями исходящих от руководства распоряжений, а впритык к этому спрашивается также, не призваны ли эти люди, без соучастия которых предприятие не могло бы ничего осуществить и было бы обречено на слом, соучаствовать в формировании исполняемой ими предпринимательской воли, по меньшей мере в той степени, в какой в этом участвуют люди, вложившие в это предприятие свои собственные или чужие деньги. Целесообразное и достойное участие работающего коллектива в формировании воли предприятия — вот важнейшее требование солидаристического ведения дела.

Ход хозяйства, в котором он проводит такую значительную часть своей сознательной жизни, как правило, интересует трудящегося человека гораздо больше, нежели предпринимательские операции, о которых он в общем мало знает и которые он склонен поэтому рассматривать как нечто ему лично чуждое. О работающих в данном предприятии

людях мы говорим, что они составляют «рабочий коллектив», и это так, даже когда атмосфера на предприятии заставляет желать лучшего и пребывание в этом коллективе приносит больше огорчений, чем радостей. Начало солидарности действует, однако, во всех видах сообществ, следовательно — и в коллективах на предприятиях. Люди, принадлежащие к коллективу, отвечают друг перед другом и друг за друга, что особенно ясно там, где любая невнимательность грозит опасностью для товарищей по работе; они несут и свою долю ответственности за добросовестный и упорядоченный ход работы, который в большей или меньшей степени нарушается любой неисправностью. И, с другой стороны, руководители коллектива, которых в данном контексте следует отличать от руководителей предприятия в целом, несут ответственность за условия работы, обеспечивая всем работникам возможность исполнять свои задачи без необоснованного риска для жизни и здоровья и заботясь о том, чтобы необходимое оборудование и оснащение было в должном порядке, чтобы технические помехи своевременно устранялись, а нарушителям дисциплины, затрудняющим или делающим невозможной совместную работу, давался должный отпор.

В каждом хозяйстве, занимающем значительное количество работников, сами собой складываются неформальные группы друзей, внутри которых вырабатывается усиленное чувство солидарности. Недвусмысленный признак этого — безусловно отрицательное отношение рабочих к любой системе составления смен, при которой отдельные работники перебрасываются из своей группы и временно направляются в неосвоенный ими, «не свой» коллектив. Для сотрудничества с такими наудачу подобранными работниками не достаёт взаимного знакомства и порождаемого им доверия; в неосвоенном коллективе с ними никто не сработался и не знает построения реакций нового сотрудника; это увели-

чивает риск аварий и несчастных случаев, особенно если дело идет о связанных с опасностью операциях.

Перед труднейшими решениями может поставить рабочего естественное требование лояльности, с одной стороны, к предприятию и занятым на нем товарищам по работе, с другой, — верность рабочему движению, а практически — своему профсоюзу. Эта двухсторонняя лояльность отражает двухстороннюю солидарность, направленную, особенно в случае забастовки, в противоположных направлениях. Правильное решение конфликта не может быть найдено здесь на основании чувств и уж подавно — на основании слепого пристрастия; как подлинное решение совести, оно требует внимательного добросовестного взвешивания всех обстоятельств, говорящих «за» или «против». Тогда даже если решение впоследствии окажется ошибочным, совесть будет чиста.

Мы проследили, таким образом, применение принципа солидарности и заложенной в нем ответственности людей друг за друга в разных сферах общественной жизни. И везде этот принцип оказывался не только теоретически правильным, но и практически применимым. И хоть правильное его применение не всегда легко дается, оно всегда имеет большое значение и должно поэтому решаться непременно по совести.

ГЛАВА 4

ТРЕБОВАНИЯ СОЛИДАРНОСТИ

1. К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ В ЦЕЛОМ

Человечество представляет собой общественное единство, хоть до сих пор совершенно недостаточно развитое. Мы называем его «семьей народов», пытаясь выразить таким образом, что оно составляет естественное, хоть пока еще лишенное правовых и принудительных средств и недееспособное единство. Несмотря на это уже теперь существует общечеловеческое благо, содержание которого становится все богаче.

На базе этого природного единства и во имя общечеловеческого процветания солидаризм считает необходимым ввести:

1) Законы, одинаково обязательные для всего человечества, иначе говоря, — общеобязательное международное право.

2) По мере необходимости — правовые учреждения или институты, которые становятся тем нужнее, чем интенсивнее обмен и торговые связи народов всех регионов земного шара.

3) Разумное равновесие между человечеством в целом и его частями; такому равновесию противоречило бы, например, подавляющее отдельные страны единообразное всемирное государство.

Один из важнейших практических выводов из этого в сегодняшнем положении мира — помощь так называемым развивающимся странам, в ходе которой не только передовые и экономически высокоразвитые народы обязаны оказать помощь отсталым и бедным, но и отсталые и бедные точно также обязаны постараться наилучшим образом использовать эту помощь и как можно скорее стать полноценными партнерами своим сегодняшним благодетелям (и не только в области экономического обмена!).

2. К СЕМЬЕ

Семья представляет собой не только любовное содружество, но также и правовое объединение с ясными иерархическими отношениями, из которых вырастает единство действий. Привязанность каждого члена к своей семье должна соответствовать силе встречной привязанности семьи к каждому из своих членов. Каждый член семьи несет свою долю ответственности за судьбу семьи в целом и должен согласовывать, а порой и подчинять свои интересы благу этого целого, в котором он — лишь одна из частей; семья же в целом несет ответственность за каждого из своих членов, так же и за вносящих в нее огорчения и заботы; семья не имеет права, как это иной раз случается, жертвовать тем или иным из своих членов ради каких-либо честолюбивых или иных соблазнительных для данной семьи замыслов.

3. К ГОСУДАРСТВУ

Если видеть в семье в первую очередь объединение в любви и лишь до известной степени правовое сообщество, то государство по самой сути есть объединение на основе права и власти. Требования к нему солидаризма тем не менее принципиально те же, что и к семье. Как семья не имеет права жертвовать ни одним из своих членов ради каких-либо семейно-политических интересов, так и государство не должно жертвовать кем-либо из своих граждан молоху власти или национальной чести.

4. К ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В области экономики справедливые взаимоотношения между отдельным гражданином и обществом означают в первую очередь:

1) Каждый гражданин обязан в сознании своей ответственности за удовлетворение общих потребностей в порядке служения общим интересам включиться в систему разделения труда, единения трудящихся и обмена товарами и услугами.

2) В созданном во имя интересов целого право-порядке гражданин должен:

а) стремиться к добросовестному поведению каждого хозяйствующего человека и каждого хозяйствующего сообщества,

б) ответственно заботиться о благе этих людей и сообществ.

Для этой цели необходима такая организация и такой ход хозяйственной деятельности, при котором

аа) каждому достается его справедливая доля в доходах народного хозяйства, и

бб) в ходе экономического процесса не только соблюдается достоинство работающего человека, но и создаются возможности раскрытия его индивидуальности.

5. К МИРОВОМУ ХОЗЯЙСТВУ В ЧАСТНОСТИ

Требования солидаризма в отношении мирового хозяйства логически вытекают из требований, которые он ставит семье народов, как общественному единству. Между отдельными народными хозяйствами и стоящим над ними единством мирового хозяйства нужно достигнуть того же равновесия взаимосвязей, как и между отдельными объединенными в государства народами и человечеством в целом. Точно так же, как единое мировое государство не должно полностью вбирать в себя и попросту лишать самостоятельности существующие государственные образования, мировое хозяйство не должно вбирать в себя и лишать самостоятельности отдельные народные хозяйства. Необходимые учреждения и организации желательно создать путем согласования и договоренностей, обеспечивая, чтобы хозяйства отдельных стран не работали друг против друга, но, занимаясь своими делами, по крайней мере в общем и целом считались с интересами других стран.

6. К ОТНОШЕНИЯМ МЕЖДУ ОТДЕЛЬНЫМИ ХОЗЯЙСТВАМИ И ЭКОНОМИКОЙ В ЦЕЛОМ

1) Отдельные предприятия как субъекты хо-

зяйственной деятельности, а на том же основании и любые хозяйствующие единицы, включая семью, обязаны считаться

а) с экономическими нуждами своей страны и по меньшей мере не предпринимать ничего из того, что могло бы повредить народному хозяйству,

б) с интересами друг друга и в силу этого не допускать недобросовестной конкуренции, в особенности если она направлена на разорение конкурирующих предприятий.

2) Те, кому надлежит вырабатывать экономическое законодательство и вести экономическую политику, должны стремиться создать необходимые предпосылки, открывающие предприятиям возможность успешной деятельности с пользой для себя, для занятых в них работников и для клиентов, обращающихся к ним за услугами и товарами.

7. К ВНУТРЕННЕМУ УСТРОЙСТВУ ПРЕДПРИЯТИЯ И ЕГО ХОЗЯЙСТВА

1) На управление делами предприятия, согласно принципу солидарности, возлагается ответственность

а) за надежное состояние предприятия, обеспеченное успешным ходом производства на принадлежащих ему объектах,

б) за судьбу занятых в нем кадров.

2) На управление внутренним хозяйством предприятия ложится ответственность

а) за исправность оборудования и оснащения и за безопасность работы с ним,

б) за упорядоченное мирное сотрудничество всех членов производственного коллектива. Дело руководителей — заботиться о доброжелательности в отношениях и бороться с явлениями, нарушающими мирное взаимодействие.

3) Члены производственного коллектива обязаны

а) относиться друг к другу с уважением и пони-

манием, в особенности же избегать неосмотрительных поступков и высказываний, могущих повредить коллегам,

б) искать таких форм сотрудничества, при которых работа идет дружно и споро, и предприятие может нести свою функцию в общенародном хозяйстве.

8. К ВЛАДЕНИЮ СОБСТВЕННОСТЬЮ

1) Принцип солидарности привязывает собственника и его собственность к народу и обществу и накладывает на него обязанности перед ними.

2) Считает общество вправе регулировать не только пользование собственностью, но и саму собственность, иными словами, — строить право и распределение собственности так, чтобы она служила не только личности, но и обществу.

3) Накладывает на общество ответственность за недопущение какого бы то ни было произвола в отношении собственника и его собственности и не позволяет ему ни ликвидировать собственность, ни ограничивать пользование ею так, чтобы собственнику пришлось от нее отказаться.

В постоянно меняющихся условиях справедливого равновесия требований и встречных требований к собственности приходится все время искать и находить наново. Принцип солидарности не дает здесь готовых решений, но ставит постоянные задачи. В качестве учения о развитии общественных отношений солидаризм отказывается рассматривать существующий порядок владения собственностью как нечто застывшее и неизменное. Руководствуясь идеей справедливости, солидаристы стремятся постоянно совершенствовать этот порядок.

ЧАСТЬ II

ОПТИМАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА (ПРИНЦИП СУБСИДИАРНОСТИ)

ГЛАВА 1

ДОКТРИНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА СУБСИДИАРНОСТИ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Наименование «принцип subsidiarности» взято с латинского понятия «subsidiум» — субсидия, помощь, поддержка. Отсюда заглавие этой, второй части книги — «Оптимальная поддержка». Подразумевается, что общество для того и существует, чтобы оказывать поддержку своим членам, предоставлять им преимущества и приносить пользу. Следовательно, оно должно делать то, что на самом деле приносит им реальную пользу, причем именно это и только это; то, что приносит им страдания, ущерб и вред, — недопустимо. В этом сразу же выражаются обе стороны принципа оптимальной поддержки: положительная, указующая и требующая (аффирмативная, позитивная) и отрицательная, отвергающая и обороняющая (негативная). Глядя с положительной стороны, обществу ставится требование оказывать активную помощь. Отрицательная сторона представляет собой обратную или, как говорится, «другую» сторону медали: общество не должно предпринимать ничего, что было бы противоположностью помощи и поддержке, ничего, что ничем не способствует, а, напротив, вредит его членам.

Каждый разумный человек, казалось бы, должен понять это и согласиться с этим, находя это само собой разумеющимся.

Социологическое обоснование

Тем не менее, стоит труда поискать и более глубокого обоснования принципа subsidiarности. Для этого нужно лишь оглянуться еще раз на основное отношение между человеком и обществом. Ана-

лиз, который нам предстоит здесь сделать, тесно соприкасается с тем, который мы проделали, чтобы обосновать принцип солидарности, как бытийственный принцип (См. часть I, 1,2 — «Солидарность как принцип бытия»). Человек как духовно-телесное существо нуждается в поддержке других людей, помогающей ему раскрыть заложенные в него Творцом возможности и таланты. Но эта поддержка и помощь нужны ему не только для самораскрытия, но и для того, чтобы поделиться с другими своим богатством. И для того, и для другого ему нужна помощь и поддержка общества. Человек зависит от поддержки общества, и общество обязано оказывать ему эту поддержку, так как он есть «носитель, творец и цель» всякого общества.

Все, что было здесь сказано об отношениях отдельной личности и общества, действительно и тогда, когда небольшие ассоциации объединяются, становясь членами более крупных, охватывающих их сообществ, потому что и эти большие, охватывающие сообщества служат в конечном счете человеку, который и тут остается носителем, творцом и целью всякой общественной деятельности. Общество, членами которого являются не только отдельные люди, но и меньшие объединения, как, например, семья или община, служит людям не прямо, но служа входящим в него сообществам, которым оно дает возможность, со своей стороны, служить непосредственно входящим в них отдельными людям.

Там, где несколько объединений соглашается создать одну совместную организацию, — например, когда профсоюз и кооперативное товарищество основывают общий банк или общее страховое общество, — эта новооснованная организация должна, очевидно, служить интересам ее основателей (в нашем примере — профсоюзу и кооперативному товариществу); в конечном счете, однако, ее деятельность идет на пользу членам данного профсоюза и данного товарищества).

Все общественно-философские истины выводятся так или иначе из понятия о достоинстве человеческой личности, созданной по образу и подобию Божьему, из убеждения в том, что ценность и достоинство присуще ей по бытию, что человеку оно даровано уже в силу того, что он — человек. Если же это так, то и солидаристический принцип оптимальной поддержки (принцип субсидиарности) истинен по бытию и сохраняет свою истинность до тех пор, пока человек сохраняет свою человечность.

Углубленный общественно-философский анализ лишь подтверждает, таким образом, то, что ясно и здравому смыслу. Можно даже подумать, что, пожалуй, не стоит торжественно возводить в общественно-политический принцип столь простую и очевидную истину. Это и в самом деле было бы не нужно, если бы активная помощь оказывалась всегда и повсюду, где в ней появляется нужда. К сожалению, однако, и в наше время грубейшие нарушения этого принципа — обычнейшее явление. Поэтому так необходимо ясно указать на него как на одну из основ солидаристического учения об обществе и подчеркнуть все значение заложенной в нем истины, на первый взгляд, очевидной, и, казалось бы, само собой разумеющейся, а при ближайшем рассмотрении — совсем не простой и вовсе не легкой для разумного применения.

Отличительный признак

Голое утверждение, что все, что решает и делает общество, должно быть источником действенной поддержки для его членов, но ни в коем случае не помехой и не причиной ущерба, мало что дает на практике. Тут нужен еще и отличительный признак или масштаб оценки, по которому можно определить, будет ли то, что собирается предпринять данное общество, полезной поддержкой для его членов, или, наоборот, — оно будет лишь отягощать их, станет для них помехой или принесет им ущерб. Если мы лишь впоследствии устанавливаем: данное мероприятие было благом для членов объединения,

а другое принесло им вред, то это слишком поздно. Нужен отличительный признак, ориентир, по которому мы могли бы судить наперед: вот это мероприятие, — если, разумеется, оно удастся, — обещает послужить на пользу каждому члену общества, а вот это, — можно сказать заранее, — не только не принесет никакой пользы, но, напротив, будет только помехой. Имея такой ориентир, можно вовремя и верно решить, следует принять или отбросить предполагаемое действие.

Принцип активной поддержки дает такой ориентир, и в этом — его немалая ценность. Заложенный в нем отличительный признак универсален, и в этом его большое преимущество. За это преимущество, однако, надо платить; плата же заключается в том, что применение его требует немалой осмотрительности и вдумчивости.

Omne agens agendo perficitur

В школьной латыни есть изречение — «Omne agens agendo perficitur», — «все действующее совершенствуется действием». Немецкая пословица гласит: «Übung macht den Meister» — «Навык мастера ставит». Мышцы укрепляются напряжением; если же ими не пользоваться, то они исчезают (в медицине говорят — атрофируются). Овладеть языком можно только говоря на нем; словесная находчивость вырабатывается в споре с сильным и красноречивым противником. Без сомнения, силы и органы нашего тела не только укрепляются, но и устают и изнашиваются при употреблении: они подобны в этом частям машины, изнашивающимся от употребления и подлежащим в конце концов замене. Тем не менее, физические данные и способности человека совершенствуются только в действии; наблюдать, как кто-либо другой демонстрирует какой-либо искусный прием, мне не поможет до тех пор, пока я путем подражания не сумею им овладеть. Дух же не знает износа (и если с годами интеллектуальные способности человека слабеют, то причина не в духе, а в теле: инструмент нашего духа, мозг, отказывается

служить). Душевные склонности и таланты человека совершенствуются, когда они работают; если ими не пользоваться, они не развиваются. Вместо сознательной духовной жизни такой человек влачит неосмысленное существование и не достигает зрелости, к которой он призван Творцом.

Из этой истины, действительной для всякой активной твари, а следовательно и для человека, predisposed к активной деятельности в несравненно более высокой смысле, нежели любая машина или любое животное, принцип оптимальной поддержки приводит к следующему правилу применения:

Общество должно оказывать своему члену активную поддержку в том, чего он не может совершить самостоятельно, своими собственными силами; и, напротив, оно не должно снимать с него трудов, с которыми он может справиться сам, так как этим оно лишает его возможности в результате собственных усилий приобрести умение и опыт и стать совершеннее, чем до сих пор; это было бы для него не оптимальной поддержкой, а скорее вредом и помехой.

Те же отношения действительны и там, где членом объединения становится не отдельная личность, но другое сообщество. Так, семья входит в сельскую или городскую общину, а община — в государственное объединение. Вышестоящее или охватывающее сообщество обязано оказывать входящим в него ассоциациям оптимальную поддержку в том, чего они не могут сделать собственными силами, подменять же их в том, с чем они могут справиться сами, это вышестоящее сообщество отнюдь не должно, так как это было бы вмешательством в их внутреннюю жизнь, отнимающим у них возможность самостоятельной деятельности, укрепляющей и развивающей их собственные силы и способности, и вместо разумной помощи и поддержки влекло бы за собой только вред.

2. ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ

Трудность, из которой проистекает наибольшее количество споров вокруг принципа оптимальной поддержки, лежит в толковании утверждений «с чем отдельный человек или отдельный коллектив может сам справиться» и «не может сам справиться».

Эти утверждения легко перегружаются. Но когда их перегружают, получаются нелепости. Мы перегружаем их, когда ставим вопрос, что способен отдельный человек или отдельный коллектив исполнить в том предельном случае, когда затратив все свои силы, едва-едва справится с поставленной задачей, и что тогда оказывается заведомо за пределами его возможностей? При такой постановке вопроса подразумевается, что данный человек или данный коллектив должен полностью израсходовать свои силы и возможности, прежде чем общество придет ему на помощь. Так, например, отец семейства может, бросив на это все свои силы, кое-как прокормить семью, однако только при условии, что у него никогда не будет времени спокойно отдохнуть на лоне этой семьи и заняться женой и детьми, что семья должна будет отказаться от всего, что как-либо выходит за рамки необходимейшего: никаких отпусков, никакого участия в общественной и культурной жизни, никаких дополнительных расходов на образование детей и т.д. В таких условиях отец и глава семьи еще молодым растратит все свои силы и потеряет работоспособность. Есть люди, готовые истолковать принцип субсидиарности в сторону такой нелепости. Помешать такому толкованию невозможно. Но эта нелепость вырастает из их собственного недомыслия; принцип оптимальной поддержки обращен к здравомыслящим людям, от которых можно ожидать, что они поймут такие обороты речи как «справиться» и «не справиться» в пределах здравого смысла, без ненужной абсолютизации. Правда, опыт показывает, что даже вполне разумные

люди нуждаются порой в некоторых разъяснениях для правильного понимания вопроса. Мы попробуем поэтому немного подробнее растолковать, что значат в нашем контексте понятия «справиться» и «не справиться».

Что я могу или не могу сделать, определяется не тем, на что могло бы хватить моих сил, если бы мне не нужно было делать ничего другого, и у меня не было бы никаких других обязательств, но определяется в гораздо большей степени тем, можно ли разумно, целесообразно и ответственно встроить данное дело в систему моих задач и обязательств, или оно будет делаться за счет других, быть может, более важных, более ценных и более неотложных. Отец семейства, у которого хватает сил работать по шестнадцать часов в сутки, может, конечно, от времени до времени отработать без перерыва две смены, но он не может, — в рамках разумного использования собственных сил, — вкалывать ежедневно по шестнадцать часов, по той простой причине, что он тогда перестает существовать для собственной семьи и не может даже минимально позаботиться о собственных детях. Постоянный шестнадцатичасовой рабочий день не встраивается в разумно оправданный ход его жизни. Здесь нужна, следовательно, в той или иной форме, поддержка и помощь, способная вывести его из невыносимого положения. И такая помощь будет поистине оптимальной поддержкой!

В каждом отдельном случае невозможно, конечно, всегда и однозначно определить, с чем именно данный человек или данный коллектив не в состоянии справиться. До какого именно возраста ребенок нуждается в помощи матери для того, чтобы помыться, одеться и так далее? Когда именно он начинает справляться с этим самостоятельно, до каких пор здесь нужен материнский контроль, и когда он полностью переймет на себя всю ответственность? С какого времени постоянная проверка и ободрение перестают быть

поддержкой доброй, но еще не сформировавшейся воле ребенка и удерживают его в состоянии младенчества, из которого он уже вышел? Даже разумная и опытная мать может сделать не то, что надо, и ошибиться. Однако ориентир, которым нужно здесь пользоваться, принципиально совершенно ясен: спрашивать нужно одно: будет ли помощь поддержкой в развитии ребенка или — раз она ему больше не нужна — помехой для его роста?

Трудность тут не в масштабе, но в том, что должно быть им измерено, в нашем примере — в уровне развития, в зрелости или незрелости подрастающего человечка. Принцип оптимальной поддержки ничего не может сказать о том, насколько развит данный ребенок, да это и не принципиальный вопрос, а вопрос о фактическом положении вещей. Чтобы ответить на него, нужно установить конкретные факты, в нашем случае, — пронаблюдать поведение данного конкретного мальчика или девочки и сделать правильный вывод из этого наблюдения.

«Формальный принцип»

Поскольку принцип субсидиарности ничего не говорит о конкретных фактах, некоторые называют его «формальным принципом». Не стоит спорить о словах, но не следует понимать прилагательное «формальный» как синоним «бессодержательного». Принцип оптимальной поддержки ни в коем случае не бессодержателен, как это порой утверждают, о нем не могло бы быть столь горячих споров и против него не было бы столь страстных возражений. Споры идут ведь никак не о форме, а как раз о содержании этого принципа!

Предположительное выражение

Содержание принципа оптимальной поддержки тотчас же уясняется, если выразить его в форме предположения:

«Если отдельный человек или самостоятельная ассоциация может собственными силами управиться со своими задачами, то охватывающее его

общество не должно вмешиваться в его деятельность, навязывая ему свою помощь, потому что такая помощь будет не оптимальной поддержкой, а ненужной опекой: умалением его самостоятельности.

Если же отдельный человек или самостоятельная ассоциация, предоставленная самой себе, не в состоянии справиться с превышающей ее силы задачей и вынуждена искать опоры в охватывающем ее обществе, то это общество обязано оказать ей необходимую поддержку, которая в этом случае будет проявлением подлинной солидарности».

Прежде чем решать вопрос об общественной поддержке, необходимо добросовестно рассмотреть в каждом отдельном случае, имеем ли мы дело с первым или со вторым из этих двух «если». Только в результате такого рассмотрения принцип оптимальной поддержки дает ясное основание для решений о том, правильно или неправильно, уместно или не уместно в данном конкретном случае требование и оказание помощи. Принцип, позволяющий обосновать такое решение, отнюдь не бессодержателен, но обнаруживает весьма практическое содержание.

Все, что совершается обществом, должно быть благом, а не бедствием для его членов, и поэтому общество не должно совершать ничего, что могло бы пойти во вред его членам. Это разумное требование также старо, как само человеческое общество. Люди всегда понимали, что это так, хоть далеко не всегда вели себя согласно этому пониманию. Что человек должен по мере возможности сам справляться со своими делами и не быть в тягость окружающим, что самопомощь лучше, чем помощь со стороны, так как она будит и развязывает собственные силы, бездействующие и отмирающие под чужой опекой, люди тоже всегда понимали, хоть и редко соблюдали на практике. Оба эти требования составляют объективное содержание принципа оптимальной поддержки. Поэтому верно сказано,

что этот принцип не представляет собой ничего нового, что он очень древен и действует в человечестве в течение всей его истории. И если его считают новым, то ново в нем только наименование — «принцип субсидиарности» (которое по необходимости различно переводится на разные языки, — прим. пер.). И в самом деле, под этим наименованием он появился в литературе лишь в новейшее время. Фактически же он, однако, обсуждается чуть ли не всюду; в принципиальных политических спорах он все чаще и чаще употребляется в качестве своего рода тяжелой артиллерии. Это объясняется тем, что против него люди и целые государства особенно тяжело грешат именно в наше время, и это заставляет снова и снова напоминать и уяснять его необходимость.

3. ДВА АСПЕКТА ПРИНЦИПА СУБСИДИАРНОСТИ

Вернемся теперь к двум сторонам принципа субсидиарности, к его положительному и отрицательному аспектам. В общественном сознании присутствует главным образом его отрицательный аспект, и в публичных дискуссиях, особенно на злободневные политические темы, он играет главную роль. Тем не менее, целесообразней заняться сначала его положительной стороной. Зная, как должно быть, легче будет определить, как не должно быть, и обосновать — почему именно.

а) Положительный аспект принципа оптимальной поддержки

Любое общество должно оказывать поддержку своим членам. Эта поддержка состоит из двух элементов: во-первых, общество делает то, что отдельный его член не может сам для себя сделать; во-вторых, оно поддерживает своих членов в том, что каждый из них не может сделать в одиночестве, но может сделать с помощью общества.

aa) Задачи, лежащие целиком на обществе

Примеры: Чтобы вести упорядоченный образ жизни в мире и безопасности, соблюдая права и обя-

занности каждого, необходим ясный правопорядок; в него входит конституция и законы, в него входит судоговорение и многое другое. Законодательствовать не может, однако, отдельный человек, законодательствовать может только общество. В силу этого оно имеет право и обязано издавать необходимые законы и учреждать суды, которым и надлежит выносить решения там, где возникает спор в истолковании закона или где закон нарушается и нужно принять меры против нарушителя. Отдельные участники уличного движения не могут самостоятельно диктовать право преимущественного выезда на перекресток; это должно устанавливаться властью общества в общеобязательном порядке.

Или: Отдельный гражданин не может бороться с распространением заразных болезней (например, венерических заболеваний) или с появлением вредителей растений (скажем, тли или картофельного жучка); он нуждается для этого в мероприятиях, которые должны проводиться везде и для всех и могут вводиться поэтому только органами господствующей в данном обществе власти.

Таких примеров можно привести множество. Каждый знает, что публичными организациями (государством, местными властями или иным начальством) принимается множество мер в силу того, что по самой своей природе такие меры не могут быть предприняты, зачастую даже немыслимы, для отдельного члена общества.

бб) Задачи по поддержке собственной деятельности члена общества

Примеры: Ученый хочет провести научное исследование, скажем, — разработать новый метод лечения рака. Такого рода исследование по силам лишь выдающемуся специалисту с большим опытом, но даже и величайший ученый не может вести его в одиночестве; он нуждается в помощи ассистентов, научных, технических и иных сотрудников, а кроме того — в материальных средствах (в соответствующей оборудованной лаборатории). Эту помощь

может оказать ему общество. Во многих случаях это делает государство. В других — вольные общественные ассоциации, как, например, Союз благотворительных фондов немецкого хозяйства.

Или: В периоды жилищного кризиса государство оказывает поддержку в виде доплат и дешевых кредитов тем, кто желает построить себе жилище. Без этой поддержки многие желающие не могли бы осуществить своих строительных замыслов. Эта поддержка, однако, отнюдь не снимает с них заботы о строительстве; государство не берется строить для них жилище, но своей помощью создает им возможность построить его и жить в нем.

Взаимопомощь

В обоих последних примерах отдельный человек обращается к обществу за необходимой ему помощью и получает ее как поддержку со стороны. Другое дело, когда несколько человек, каждому из которых не хватает сил, чтобы осуществить свой замысел, объединяются в сообщество с целью помочь себе и друг другу сделать то, чего не может сделать каждый в отдельности. Примером могут послужить здесь вкладчики сберегательных касс, создаваемых для кредитования жилищного строительства. Каждый отдельный вкладчик может накапливать капитал, и действительно его накапливает; поскольку, однако, этим накоплением занимается не он один и сбережения вкладываются в общую кассу, средства, достаточные, чтобы начать строительство, собираются значительно раньше.

Примеров такого рода взаимопомощи можно привести множество.

Такого рода взаимопомощь бывает, опять-таки, двух видов. Она может состоять попросту в том, что несколько человек объединяется, чтобы сделать что-либо вместе. Так, скажем, шофер и его напарник, а быть может, и случайные прохожие, общими силами вытаскивают из грязи застрявший автомобиль. До тех пор, однако, пока они действуют

как отдельные, ничем другим между собой не связанные лица, а сделанное ими дело не касается общества как такового, принцип оптимальной общественной поддержки к ним не приложим.

Организация взаимопомощи

В больших масштабах, однако, гражданская взаимопомощь развивается так, что вызывает нужду в особых общественных организациях. Так — в приведенном выше примере строительно-й сберкассы. И тут встает вопрос — что объединившиеся вкладчики должны делать сами, а что должна делать касса? Принцип оптимальной взаимной поддержки отвечает на этот вопрос. Сберегательная касса должна сделать для своих вкладчиков то, что они сами сделали бы хуже, чем это сделает касса, или совсем не могли бы сделать, и этим оказать им подлинную поддержку. И, с другой стороны, касса не должна браться за то, что люди могут не хуже и даже лучше сделать сами, так как, снимая с них ответственность за посильные собственные дела, она не окажет им никакой услуги.

В этом смысле в частности кооперативные товарищества ставят себе задачу осуществления взаимопомощи именно такого рода, и с этой точки зрения они — подлинные кооперативы лишь до тех пор, пока их члены не перекладывают на них того, с чем могут справиться сами, но предоставляют им заниматься только тем, чего они сами не могут сделать вовсе или могут сделать лишь явно хуже. (Так, например, объединившиеся в товарищество по переработке молока крестьяне сами продолжают производить молоко; дело молочного кооператива лишь перерабатывать это молоко и доносить его до потребителя, потому что он может лучше справиться с этой задачей и сослужить таким образом добрую службу не только своим членам, но и потребителям).

Объединения, ставящие себе целью переложить всю работу на плечи какой-либо организации, правления, наемных служащих или кого-либо другого, не имеют ничего общего с взаимопомощью вообще

и с общественной взаимопомощью в частности. Еще сомнительнее попытки уйти таким образом от неприятных обязанностей, как это делают порой иные верующие, внося пожертвования в благотворительные учреждения и как бы откупаясь от долга личного милосердия. Это, впрочем, не значит, что благотворительные организации нарушают принцип оптимальной поддержки; они создаются не для того, чтобы подменить своей деятельностью благотворительность своих членов, которую они вовсе не стремятся отеснить на задний план; напротив, их задача — стимулировать и поддерживать эту деятельность.

Оптимальная поддержка — правообязанность общества

Организованное общество не только имеет право, но и обязано делать то, чего его члены не могут сделать порознь, но что, тем не менее, должно быть сделано. Об этом нет и не может быть двух мнений. Организованное общество может делать и то, что не обязательно должно быть сделано, но тем не менее входит в сферу подлинных интересов его членов, хоть и не может быть сделано ими самими. Если же его члены потребуют этого, оно обязано исполнить их требование. Труднее ответить на вопрос, в каких пределах общество должно и может поддерживать своих членов в том, с чем они справляются и сами, но могли бы справиться еще лучше, если им будет оказана помощь.

Пример: Сельское хозяйство может во многом улучшить свое положение на путях простой взаимопомощи. Но при поддержке государства оно могло бы многое сделать еще быстрее и лучше. Так имеет ли государство право, обязано ли оно оказать эту поддержку, и может ли сельское хозяйство ее затребовать? Разумеется, может, но с условием, что оно не сложит рук и не свалит все заботы на государство, но со всей серьезностью и напрягая все силы употребит государственную поддержку на то, чтобы еще эффективней использовать собственные возможно-

сти. При этом условии оказание помощи укладывается в рамки принципа оптимальной поддержки.

Требование дотаций

Ссылаясь на принцип оптимальной поддержки, позволительно спросить: имеет ли право член общества или входящий в это общество коллектив потребовать помощи (более объемного и, надо полагать, более мощного) общественного объединения? Говорить о том, что общественная благотворительность не должна душить частной, мы будем при разборе отрицательной стороны принципа субсидиарности. Выскажемся сначала по вопросу, имеют ли право частные благотворительные организации требовать, чтобы государственная власть или местные власти поддерживали их из общественных средств. Возлагает ли принцип оптимальной поддержки на государство и его органы обязанность выплачивать носителям частной благотворительности субсидии или дотации? С общей и принципиальной точки зрения такой обязанности не существует. Возможно, было бы правильнее уменьшить налоговый пресс и облегчить таким образом частной благотворительности задачу сбора нужных средств путем добровольных пожертвований. Если, однако, на этом простом и естественном пути не удастся достигнуть цели или если требующие разрешения благотворительные и другие задачи так велики, что необходимые средства можно получить лишь путем принудительных сборов, то на государство или на местные власти в их качестве сборщиков налогов может быть наложено обязательство добыть эти средства путем налогового обложения, не передавая их, однако, полностью в руки публичных благотворительных учреждений, но выделяя определенную долю носителям частной благотворительности. Какова эта доля, должно определяться, хоть и не полностью, но главным образом тем, что именно частная благотворительность способна сделать собственными силами.

Сказанное здесь относительно благотворительности можно повторить относительно школьного дела. Участие государства в финансировании частных школ, в особенности при церкви, не может быть автоматически затребовано на основании принципа оптимальной поддержки. Однако в условиях, когда государственные и местные власти организуют школы и содержат их за счет налоговых сборов, родители, посылающие своих детей не в государственную, но в частную школу, должны по справедливости освободиться от соответствующей доли налога (эти суммы должны возвращаться им из налогообложения или же передаваться в распоряжение частных школ). Впрочем, этот вопрос касается больше справедливого распределения тягот, нежели принципа оптимальной поддержки.

То же самое следует сказать и относительно всякого рода молодежной работы.

В приведенных здесь двух примерах (частной благотворительности и частных школ) оптимальная помощь общества заключалась в финансовой поддержке. Этот вид стимулирования и поддержки в наше время чрезвычайно распространился. В бюджете ФРГ, например, миллиардные суммы планируются для этих целей. Другие формы поддержки не становятся от этого менее важными, может быть, они даже важнее. Однако спор завязывается именно о финансовой поддержке по вопросу, обязано ли общество (или оно только имеет право) ее оказывать. Мы позволим себе поэтому показать здесь наиболее известные и наиболее спорные случаи такого рода.

Многочисленные группы, требующие себе дотаций, обычно не ссылаются на принцип оптимальной поддержки даже и тогда, когда они с полным правом могли бы это сделать; гораздо чаще они ссылаются непосредственно на принцип солидарности. Но чаще всего желание получить дотацию выставляется как требование справедливости, причем с основанием или без основания, указывается,

что аналогичные ходатайства уже удовлетворялись. К принципу оптимальной поддержки, к обязательствам общества по отношению к своим членам такое обоснование не имеет, понятно, ни малейшего отношения; в таких случаях дело слишком часто сводится к вымогательству и стремлению выторговать себе побольше.

Анализируя же публичные дискуссии на эти темы, мы видим, что положительный аспект принципа оптимальной поддержки при этом почти никогда и не упоминается.

б) Отрицательный аспект принципа оптимальной поддержки

В наше время, обращаясь к принципу оптимальной поддержки, люди обычно имеют в виду почти исключительно его негативную сторону, заложенный в нем аспект отказа. В периоды, когда перевешивает склонность слишком много требовать от общества и когда вместе с тем публичные организации, и в частности государство, поддаются соблазну перегружать себя и браться за все большее и большее количество дел, и в самом деле возникает необходимость снова и снова подчеркивать негативный аспект принципа субсидиарности, противодействуя, таким образом, этой коллективистской тенденции.

Противники этой тенденции легко впадают, однако, в противоположную односторонность. Слово «коллектив» — не ругательство, в нем нет ничего унижительного; оно означает просто-напросто объединение нескольких или многих лиц в общее «мы». Уже семья представляет собой миниатюрный коллектив, и мы с основанием говорим о коллективных потребностях семьи и о трудностях, возникающих, когда этим потребностям противопоставляется индивидуальный заработок того, кого мы именно поэтому называем кормильцем данной семьи. Коллектив имеет такое же право на существование, как и индивидуум, их взаимоотношения определяются характером связующей их солидарности; когда же

мы говорим о «коллективизме» (прилагательное будет здесь «коллективистический») и «индивидуализме» (прилагательное — «индивидуалистический»), то, очевидно, имеем в виду неосновательную односторонность, проистекающую либо из переоценки и преклонения перед коллективным началом, либо из чрезмерного подчеркивания самостоятельности и самоуправства изолированной личности.

Развернувшаяся в последние десятилетия до небывалого объема сфера деятельности государственной власти не означает непременно нарушения принципа оптимальной поддержки. Папа Пий XI, говоря о принципе субсидиарности, признает это со всей определенностью и утверждает, что справедливо и исторически оправдано то, «что в изменившихся условиях целый ряд задач, прежде легко разрешавшихся небольшими сообществами, ныне разрешается большими». В этих «изменившихся условиях» со многим, с чем прежде семья вполне могла справиться, она уже либо не может справиться вообще, либо может справиться лишь в заведомо недостаточной мере. Если же это так, то принципу оптимальной поддержки ничуть не противоречит оказываемая в этом случае помощь; напротив, она становится обязанностью более мощного, охватывающего семью организованного общества. Так, например, — в деле школьного образования детей, но, если понадобится, — то и в мерах поддержки материально нуждающихся в ней семей. Точно так же обстоит дело во взаимоотношениях между различными ассоциациями и государством и во все возрастающей степени и во взаимоотношениях между государствами и надгосударственными объединениями (например, Европейским сообществом, Организацией Объединенных Наций и т.п.).

Какие именно функции следует передать в ведение международных надгосударственных организаций, и в соответствии с этим, в какой мере, скажем, хотя бы в области финансовой и экономической политики, отдельные государства должны по-

ступиться своими суверенными правами (в конституции ФРГ предусматривается, между прочим, такая возможность), из принципа субсидиарности определить нельзя, да и не нужно. Из него явствует, однако, что если необходимость в этом налицо, то это должно быть сделано, ибо согласно именно этому принципу полномочия должны быть даны тому органу, который сумеет применить их наилучшим образом, и наоборот, — из того же принципа субсидиарности ясно, что международные и надгосударственные организации и инстанции не имеют права перенимать на себя функций, которые могут успешно выполняться на уровне отдельных государств и входящих в них сообществ.

В наше время, когда все разрастается до колоссальных размеров, когда мы располагаем небывалыми техническими средствами (устройствами связи, электронно-вычислительной техники и системами обработки информации), появляется немалая опасность чрезмерной централизации и как раз передачи вышестоящим органам чрезмерного количества полномочий, а также того, что в мире образуется слишком большой «перевес головы». Об этой опасности надо неустанно предупреждать. Отрицательный аспект солидаристического принципа оптимальной поддержки предупреждает об этом со всей серьезностью: общественное строительство не имеет права поддаваться гигантомании и во всех случаях жизни обязано трезво проверять, нельзя ли предоставить селянам самим решать свои сельские дела.

Соблазн под личиной добра

Здесь важно преодолеть соблазн, тем более опасный, что он выступает под личиной добросовестности. Это — соблазн перфекционизма. Совершенствуя то или иное дело, его можно — особенно в техническом отношении — сделать все более и более совершенным, даже начав с совсем малого. Возьмем в пример социальное страхование в ФРГ. Отстройка системы всеобщего социального страхования потребовала тысяч и тысяч определений: при

каких условиях следует оказывать и как устанавливать объем социальной поддержки. Эти джунгли параграфов, задача которых — обеспечить наивысшую меру справедливости, вместе с соответствующей судебной надстройкой, — вплоть до федерального верховного социального суда, — обеспечивающей юридически правильное их применение, были бы вовсе не нужны, если бы законодатель пошел по пути прежних профессиональных объединений и касс взаимопомощи. Конечно, такие организации были бы очень далеки от совершенства современной системы социального страхования. Тем не менее, позволительно допустить, что непосредственное участие и живое переживание собственной ответственности с лихвой окупили бы их несовершенство. Разумеется, это не утверждение, а всего лишь вопрос. Но прежде, чем принимать то или иное решение, следует его поставить и постараться найти на него ответ. Если же, взвесив все «за» и «против», мы придем к обоснованному убеждению, что обстоятельства требуют столь далеко идущей централизации, как это имеет место в системе социального страхования в ФРГ и аналогичных системах других государств, то принципу оптимальной поддержки это отнюдь не будет противоречить.

Соблазн простоты и удобства

Солидаристическому принципу оптимальной поддержки в его негативном аспекте приходится противостоять и еще одному соблазну. Этот соблазн не выступает, как предыдущий, под личиной добра; он заложен в свойственной человеку лени, в том, что получить помощь со стороны бывает и удобнее и проще, нежели потрудиться самому. Распространившийся ныне обычай при малейшем затруднении требовать посторонней помощи и, в частности, поддержки государства, прямо противоречит принципу оптимальной поддержки. Государство, поддающееся такого рода требованиям, — а в ходе предвыборных кампаний это стало теперь просто правилом, — и раздающее направо и налево или по крайней мере

обещающее денежную и иную помощь, грешит еще больше. Когда граждане вместо того, чтобы быть опорой государственной власти, цепляются за нее, как ребенок за юбку матери, то это свидетельствует о разложении гражданской этики и грозит распадом государственности. Принцип оптимальной поддержки в его негативной функции отказа от излишней помощи проявляется здесь как фактор защиты здоровых государственных начал.

Примеры из политической жизни ФРГ

Этим, однако, ничего еще не сказано о том, делает ли, в частности, наше государство (имеется в виду ФРГ, — прим. пер.) в общем и целом больше, чем оно должно было бы делать, следуя требованиям оптимальной поддержки, делает ли оно именно то, что оно должно делать, и не делает ли оно того, от чего следовало бы воздержаться; с другой же стороны, — воздерживается ли оно от того, что в порядке оптимальной поддержки следовало бы делать. Не только профессиональным политикам, но и каждому сознательному гражданину следовало бы не только время от времени вспоминать о пределах разумной помощи, но постоянно помнить об этих пределах и мерить все, что совершается государством и другими публичными организациями, масштабом субсидиарности. В общественной жизни Федеративной Республики Германии принцип оптимальной поддержки в трех случаях оказался в центре публичной дискуссии.

Пособия для воспитания детей

Возьмем, во-первых, вопрос о финансовом пособии для воспитания детей или, обобщая, — вопрос о выравнивании материальных тягот бездетных и многодетных семей. Дискуссия об этом началась с вопроса, должны ли необходимые для этого денежные средства собираться в специальных компенсационных кассах путем соответствующего обложения различных отраслей народного хозяйства, или они должны выплачиваться из общегосударственного налогового обложения. Выступавшие в

пользу самостоятельных компенсационных касс думали в первую очередь о семьях наемных рабочих, придерживаясь при этом мнения, что в денежных затруднениях многодетных рабочих семей виновата та отрасль хозяйства, в которой они работают, и следовательно она и должна оказать им помощь. Это обоснование не связано с принципом субсидиарности, оно опирается на совершенно верную мысль о том, что компенсировать ущерб должен тот, кто его нанес. Это обоснование, однако, отпало, как только пришлось признать, что семьи самостоятельных ремесленников страдают от аналогичных трудностей, а следовательно тоже должны быть включены в систему выравнивания материальных тягот.

Тогда, — и на этот раз уже прямо ссылаясь на негативный аспект принципа субсидиарности, — стали раздаваться голоса, запрещающие поднимать на государственный уровень дела, с которыми могли бы справиться и более узкие общественные круги. К таким делам относится, по их мнению, и вопрос о пособиях для воспитания детей, а следовательно, — государственной власти незачем в него вмешиваться. Логически рассуждая: первая посылка безусловно верна, а если верна и вторая, то должен быть верен и вывод. Вопрос сводится, таким образом, лишь к тому, верна ли вторая посылка, соответствует ли она фактическому положению вещей, а именно — будет ли достойная поддержка многодетных семей под силу тем или иным узким сообществам, каждое из которых должно будет, очевидно, окормливать круг относящихся к нему детей. В настоящее время общественное мнение все больше и больше склоняется к тому, что эта посылка ошибочна. Дело не в том, справедлив или нет принцип субсидиарности, но лишь в том, правильна ли оценка фактов, в свете которой оказывается, что справедливый сам по себе принципиальный подход в данном случае оказывается не к месту. Положение напоминает тот случай, когда врач неправильно диагностирует болезнь и начинает лечить больного согласно этому

неправильному диагнозу. Лечебные мероприятия могут быть при этом очень хорошими, но в данном конкретном случае они не подходят. Можно только пожалеть, что сторонники специальных касс обеспечения воспитания детей, громогласно ссылаясь на принцип оптимальной поддержки в обмене мнениями со своими противниками, не потрудились выяснить, отвечают ли фактам предположения, которые они слишком поспешно приняли как не подлежащие сомнению. Это без достаточного основания создало впечатление, будто принцип субсидиарности — предвзятое мнение, на основании которого ограниченные умы пытаются насиловать действительность.

Мы привели этот пример не для того, чтобы решить вопрос, как лучше помочь воспитанию и образованию детей в нуждающихся в такой помощи семьях. Возможно, что в тогдашнем споре ошибались обе стороны. Нам важно было лишь показать, что оптимальная помощь будет действительно оптимальной лишь при условии непредвзятого рассмотрения фактов. Чтобы сказать, затвердеет или размягчится тот или иной материал, если выложить его на солнце, нужно знать, о каком именно материале идет речь. Глина под солнечными лучами затвердеет, масло — размягчится.

Социальные пособия. Юношество

Во второй и в третий раз принцип субсидиарности сыграл роль в общественно-политической дискуссии в Федеративной Республике Германии в спорах, разыгравшихся вокруг закона о социальном обеспечении от 30 июня и о молодежи — от 8 августа 1961 года. В обоих случаях дело шло о компетенции вольных ассоциаций (в том числе и Церкви), с одной стороны, и полномочиях государственной власти и местного самоуправления (в первую очередь, муниципалитетов), — с другой. Всякий знает, что задачи социального обеспечения в современном обществе нельзя разрешить без вложения крупных общественных средств. Добровольными пожертвовани-

ями здесь не обойтись. Здесь необходимо вмешательство государственной власти, которая может и должна выделить эти средства, собрав их путем налогов или иных видов обложения. Мы уже коснулись этого, говоря о позитивном аспекте оптимальной поддержки при обсуждении вопроса о том, должно ли государство поддерживать из этих средств деятельность свободных ассоциаций (субсидировать их). Сейчас, обсуждая негативный аспект принципа оптимальной поддержки, надо поставить вопрос о том, в какой мере общегосударственная и местная власть имеют право и обязаны заниматься вопросами социального обеспечения, помощью многодетным семьям и работой с юношеством. Без сомнения, уже существующие государственные и муниципальные власти в значительной мере злоупотребили своими полномочиями и финансовыми возможностями, оттесняя на задний план свободную благотворительность, а выражаясь более резко, — попросту подавляя ее. Во многих случаях это произошло потому, что сознание собственной силы толкало их на то, чтобы дать почувствовать ее более слабому, нередко играли при этом роль и партийные интересы. Немалое значение имело и желание потеснить момент вероисповедания и влияние Церкви. От места, занимаемого Церковью в работе с юношеством, без сомнения, зависит ее влияние в будущем. Вопрос о том, что в этой области делается государственной властью, а что остается в руках самостоятельных общественных организаций, включая и Церковь, представляет собой важнейший вопрос, решение которого касается как интересов общества, так и структуры власти.

Элементарным требованием — не перенимать у вольных ассоциаций того, с чем они способны справиться сами, — дело не решается прежде всего потому, что масштаб возможностей этих ассоциаций в значительной степени зависит от политики государственной власти. Так, например, увеличивая налоговое обложение до такой степени, что у людей

остается лишь очень мало или совсем не остается свободных денег для поддержки благотворительных ассоциаций, государство чувствительно затрудняет деятельность последних. Разумеется, действуя таким образом, государственная власть не имеет права, обращаясь к добровольным благотворителям, заявить: раз вы не в состоянии выполнять свои задачи, я сама займусь ими. То же самое получается, если государство поднимает свои требования к независимым ассоциациям выше их сил (например, в материальном обеспечении занятых в них работников) или начинает выпускать сложнейшие предписания, разобраться в которых могут лишь квалифицированные профессионалы и исполнение которых невозможно обеспечить без принудительных мер. Таким образом создается положение, при котором именно та сторона, активность которой подлежит ограничению, получает возможность фактически воздействовать на условия, от которых зависит как объем ее собственных полномочий, так и поле деятельности вольных ассоциаций и церквей.

Идущему во вред делу (воспитанию юношества и т.п.) неправомерному употреблению власти со стороны центральных или местных органов государства должен быть поставлен предел; для этого не нужна даже ссылка на принцип оптимальной поддержки. Превышению власти надо противостоять везде и всегда. Когда законодатель урезывает полномочия представителей государственной власти на местах даже больше, чем это подсказывает принцип оптимальной поддержки (как это сделал, например, парламент ФРГ созыва 1957-61 г.г.), то это имеет под собой солидные основания. Немалый опыт последних десятилетий дает законодателю полное право признать, что такое ограничение полномочий — единственное реальное средство против возможных злоупотреблений. Принимаемые законодателем такого рода решения сводятся к тому, чтобы закрепить за свободными ассоциациями и церквями преимущественное право не только там,

где у них уже есть готовые организации или кадры и средства для их создания. Достаточно уже, если есть потребность создать их и не хватает только финансовых возможностей. В таких случаях задача местной власти — не самой отстраивать нужный объект, а обеспечить свободной ассоциации необходимую денежную поддержку, разумеется, при условии, что эта ассоциация захочет и сможет ею воспользоваться. Таким образом, в противоположность тому, что делалось годами, закон обязывает местную власть путем денежной субсидии расширить сферу возможной деятельности вольных ассоциаций. Расширением этой сферы создается по отношению к самостоятельным ассоциациям новое поле приложения принципа оптимальной поддержки. Не только то, что они уже делают, но и то, что они могут сделать, закрепляется, таким образом, за ними. Исполнительная власть и ее представители на местах лишаются права оттеснять их с поля деятельности.

Приведем для примера еще один вопрос, в решении которого уместно применить солидаристический принцип оптимальной поддержки. Это вопрос о распределении накладных расходов по содержанию разного рода больничных учреждений, должны ли они ложиться на государство или, как и собственно лечебные (производственные) расходы, — непосредственно на больничные страховые кассы как на представителей потенциальных пользователей (пациентов). Как показывают разгоревшиеся вокруг этого вопроса споры, решение должно учитывать здесь множество аспектов, которые мы не будем рассматривать. При беспристрастном подходе, подразумевающем готовность принять лучшее из предлагаемых решений, принцип оптимальной поддержки толкает лишь к отысканию наиболее самостоятельного из отвечающих требованиям предмета решений, причем не только его отыскания, но и проведения в жизнь.

В конце концов, речь всегда идет о том, какие мероприятия представляют собой реальную

поддержку активных общественных сил, а какие, напротив, — тормозят или блокируют их самостоятельную деятельность. И если солидаристы, опираясь на принцип оптимальной поддержки, возражают против того или иного мероприятия, предлагаемого государством, муниципалитетом или любой иной общественной организацией, то это происходит только в том случае, когда намеченное мероприятие не оказывает, на их взгляд, подлинной помощи тому, кому хочет помочь. Прежде чем возражать, необходимо, однако, уяснить себе положение вещей. Лишь основательно разобравшись в нем, можно думать о правильном применении замысла оптимальной поддержки.

Последование ступеней

Особого внимания с солидаристических позиций заслуживает вопрос о полномочиях каждой из поднимающихся друг над другом ступеней государственной власти (как, например, городской власти, районной, областной и, наконец, общегосударственной власти) при исполнении той или иной общественно необходимой задачи. Если нижестоящая, более узкая ступень способна удовлетворительно выполнить поставленную задачу, то для ее внутреннего состояния, безусловно, вредно, если вышестоящая инстанция берет ее на себя. Это заставляет тщательно проверять, хватит ли у нижестоящей инстанции собственных сил, чтобы справиться с делом. И если видно, что хватит, то, согласно принципу оптимальной поддержки, ей и следует передать его, не загружая вышестоящие органы.

(Здесь, конечно, можно возразить, что не всегда соотношение таково, как в нашем примере с органами государственного управления. Каждый знает, что во многих случаях различные организации существуют параллельно, не будучи подчинены и не охватывая друг друга. Кегельный клуб и певческое объединение, кооперативное товарищество и профессиональный союз, а на самом верху — церковь и государство не находятся в отношении части и

целого, но равноправно существуют рядом. Однако принцип оптимальной поддержки действителен только в случае отношения частей и целого. Кегельные клубы могут заниматься игрой в кегли, а певческие кружки — пением и без опоры на социально-политическую теорию!)

Право определения полномочий

Признание за государственной властью права определения собственных полномочий, казалось бы, противоречит принципу субсидиарности. Это право подразумевает компетенцию самому обозначить круг подведомственных действий и дел, самому определить, что оставить в собственном ведении, а что передать другому ведомству. Когда в парламентском совете дискутировалась конституция ФРГ, одним из основополагающих вопросов был вопрос о признании за центральной властью федерации права самой определять свои полномочия. Признать за федеральной властью это право, означало бы открыть ей возможность, если она посчитает нужным, путем существующего законодательства (т.е. не внося изменений в основной закон) перенимать на себя компетенцию в том числе и правительств входящих в федерацию земель. Федеральному правительству было тогда отказано в этом праве. Подведомственные ему дела с исчерпывающей точностью зафиксированы в конституции. Больше того, — там же зафиксировано и правило, согласно которому при отсутствии однозначно установленной компетенции федерального правительства в Бонне предполагаются ведомственные полномочия земель. В результате оказалось, что в целом ряде случаев, когда появилась необходимость уполномочить федеральное правительство принять на себя новые задачи (например, оборону страны) понадобилось изменить конституцию.

Нежелание признать за федеральным правительством право определения собственных полномочий было хорошо обосновано. Люди помнили чрезмерно централизованную государственную

власть времен национал-социализма и опасались, что право на расширение собственных полномочий центральной власти повлечет за собой постепенное возвращение к централизму и к превращению федеративных начал в пустую формальность.

Иначе обстоит дело с правительствами земель. Они имеют право определения собственной компетенции и пользуются этим правом: какова степень государственного контроля деятельности муниципалитетов и определение круга их деятельности, какие именно налоги (например, налог на зрелищные предприятия и увеселительные заведения или налог на собак) предоставляются на усмотрение муниципальных властей, а какие остаются за правительством каждой данной земли, — все это определяется парламентом данной земли силою собственных полномочий. Муниципалитеты могут обращаться с прошениями, но решается дело без них.

На первый взгляд, право определения собственной компетенции прямо противоречит принципу оптимальной поддержки. Ведь этот принцип — это своего рода принцип «подведомственности», он указывает, какому сообществу или сообществам принадлежит право ведать решением той или иной задачи. А если это так, то представляется недопустимым, чтобы кто-либо другой, будь то даже законодатель, распределял полномочия, даруя или отнимая их. Правильнее было бы сказать, однако, что недопустимо, чтобы кто бы то ни было произвольно решал вопросы подведомственности. Тем не менее, во всех случаях, когда возможны или фактически имеют место расхождения по вопросу, какое распределение полномочий лучше подходит для решения задачи, а следовательно, — соответствует и принципу оптимальной поддержки, то если не удастся договориться, бывает нужен кто-то, уполномоченный все же принять то или иное решение.

Право определения собственных полномочий по сути дела — ничто иное как право самовластно принимать решения такого рода. Поскольку дело

идет не об установлении научных истин, а о политических практических решениях, то они должны приниматься теми, на кого возложена политическая ответственность. Как правило, это — то сообщество, которое в качестве возглавителя отвечает за судьбы входящих в него сообществ-членов. Как правило, оно способно к тому же лучше оценить положение и принять более компетентное решение.

Поэтому, следуя как раз принципу оптимальной поддержки, определение собственной компетенции следует передать в руки верховной инстанции. Из этого правила, вернее законной презумпции, допустимы, конечно, исключения; об одном из них мы уже упомянули, говоря об опасении, что сама по себе наиболее отвечающая требованиям, и следовательно призванная к этому верховная инстанция злоупотребит своей властью и будет принимать решения не в интересах дела. Именно на этом основании в конституцию ФРГ внесено правило, по которому распределение полномочий между федеральным правительством и правительствами отдельных земель не может производиться самостоятельным решением общегосударственного законодательного собрания (Бундестага), а должно сопровождаться изменением основного закона, для чего требуется соучастие земель (квалифицированным большинством в две трети голосов в федеральном совете / Бундесрате/).

То же соотношение наблюдается и между возглавляющей организацией и ведомыми ею организациями-членами, как это имеет место, например, в объединении западногерманских профсоюзов. Вообще же, везде, где представляется необходимым защитить федеративный характер объединения от чрезмерной концентрации власти в возглавлении, возглавляющий орган лишается права сам определять сферу подведомственных ему дел. Если же более важной представляется бесперебойная адаптация к новым, непредвиденным обстоятельствам и удовлетворение вытекающих из них запросов, то

возглавлению дается право расширения своей компетенции, в обоих случаях — вполне в духе принципа оптимальной поддержки как принципа определения подведомственности.

Ни индивидуализм, ни коллективизм.

Принцип оптимальной поддержки (субсидиарности) содержит, как мы уже знаем, две стороны: положительную, указующую, требующую (аффирмативную, позитивную) и отрицательную, отвергающую, обороняющую (негативную). Есть люди, видящие в этом недостаток и утверждающие, что в зависимости от толкования этот принцип можно посчитать индивидуалистическим или коллективистским. На это можно возразить, указав, что ведь в конечном счете любое принципиальное высказывание о должном тем самым есть и высказывание о недолжном. Требование говорить правду содержит в себе запрет говорить неправду, запрет лжи. Точно так же обстоит дело с принципом оптимальной поддержки: он требует от сообщества, чтобы оно помогало своим членам, этим самым он запрещает ему все, что противоположно помощи и поддержке, что может повредить его членам. Недопущение того, что могло бы повредить членам сообщества, нельзя назвать индивидуализмом, а делание того, что пойдет им на пользу, укрепляя их внутреннюю жизнь, их собственную деятельность и их собственную ответственность, — еще далеко не коллективизм. Наоборот, с полным правом мы можем назвать солидаристический принцип оптимальной поддержки принципом золотой середины, удачно намеченной между односторонностями индивидуализма и коллективизма.

4. СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРИНЦИПАМИ СОЛИДАРНОСТИ И СУБСИДИАРНОСТИ

Начало солидарности и принцип субсидиарности составляют единство. Они дополняют друг друга. Принцип оптимальной поддержки можно вывести из требований солидарности и наоборот. Но разберемся.

Начало бытия

Как о принципе солидарности, так и о принципе субсидиарности мы знаем уже, что это принципы бытия, что они укоренены непосредственно в бытии человека, в том, что составляет его сущность. Если мы правильно оценим человека, с одной стороны, в его человеческом достоинстве, а с другой, — в укорененном в самом его существе предрасположении к общественному бытию, в его встроенности в общественную стихию и в его зависимости от этой стихии, то мы увидим одновременно и всеобщее взаимозацепление, и ту взаимную ответственность друг перед другом, которой нерасторжимо связаны человек и общество (принцип солидарности), но увидим также и то, что должны делать отдельный человек и общество, в которое он входит, и то, как следует справедливо распределить между ними задачи согласно их взаимной ответственности. Иными словами: что именно в системе взаимной ответственности подведомственно отдельному человеку, а что — человеческому обществу (принцип субсидиарности). Принцип солидарности мы назвали выше принципом структурной взаимосвязи, принцип субсидиарности — принципом ведомственной компетенции. Из конструктивной взаимосвязи естественно вытекают требования ведомственной компетентности, но и наоборот — рассматривая вопросы полномочий того или иного ведомства, мы обнаруживаем иерархические взаимосвязи. Компетентность, понимание дела, как оно раскрывается в применении принципа оптимальной поддержки, мы

вывели из природных свойств человека. Нам не понадобилось для этого подчеркивать начало солидарности: принцип оптимальной поддержки можно вывести непосредственно из бытия человека и общества. Достаточно осознать, что каждый член общества должен в первую очередь управляться со своими делами и участвовать в общественной жизни не в виде инертного балласта; с другой же стороны, общество не обязано снимать с него заботы о том, что ему посильно и самому, но лишь помогать ему в том, с чем он не может справиться сам. Разумно и целесообразно поэтому, когда обе стороны — человек и общество — связаны друг с другом общей судьбой и взаимной ответственностью. Уже одним тем, что отдельный человек сам себя обеспечивает и не устраивается жить за общественный счет, он исполняет свой долг перед обществом. Тем, что общество стремится быть полезным своим членам и воздерживается от того, что может им повредить, оно лишь исполняет свой долг перед своими членами. И невозможно придумать ничего больше, что можно было бы вменить ему в обязанность.

Распределение компетенции есть распределение ответственности. Вести чем-либо, значит, быть ответственным за подведомственное. Вот почему принцип оптимальной поддержки можно вывести из принципа солидарности, а принцип солидарности — из принципа оптимальной поддержки.

Мысль можно вести в обоих направлениях, как от принципа солидарности к принципу оптимальной поддержки, так и от принципа оптимальной поддержки к принципу солидарности. Но если поставить вопрос о причинной зависимости, то обнаружится, что она идет лишь в одном направлении, а именно — от взаимосвязанности (принцип солидарности) к компетенции (принцип субсидарности). Иерархический характер связей (структуры) определяет компетенцию. Компетенция не основание, но видимое выражение внутренней структуры сооб-

щества. Можно сказать, что в системе подчинения подведомственных дел отражается внутреннее строение (структура) общества.

Моральное и правовое основание

Выше мы показали, что принцип солидарности — это, в первую очередь, принцип нравственности, а затем уже принцип права. При тесной связи между принципом солидарности и принципом оптимальной поддержки очевидно, что и принцип оптимальной поддержки точно так же представляет собой прежде всего нравственное требование, а затем уже требование права.

Что принцип оптимальной поддержки — нравственное требование, очевидно с первого взгляда. Ведь дело в нем касается должного и недолжного: «деятельность общества должна поддерживать своих членов, ни в коем случае не умаляя и не разрушая их индивидуальности». Это должное и недолжное есть нравственно должное и нравственно запретное. Именно это и выражается в принципе оптимальной поддержки: одно отвечает священной воле Бога, другое противоречит ей.

Что принцип субсидиарности есть принцип права, ясно как дважды два — четыре. В системе права дело идет об отношениях людей между собой там, где в качестве членов общества они противостоят друг другу, а также о требованиях отдельного лица к обществу и общества к отдельному лицу. Именно этими отношениями занимается принцип субсидиарности. На его основе устанавливается, что является делом отдельного человека в составе общества, а что — делом общества. Принцип, определяющий сферы подведомственности, в этой своей функции есть принцип права.

Не принцип развития

Само собой разумеется, что принцип оптимальной поддержки сопровождает развитие человеческого общества. Но он не столько определяет его, сколько именно сопровождает. Это очень ясно выражено во вступлении к папской энциклике «Ква-

драгезимо анно»: «...если верно, что в изменившихся условиях с рядом задач, прежде легко разрешавшихся небольшими коллективами, теперь могут справиться лишь большие сообщества». Условия меняются; принцип оптимальной поддержки не имеет на это влияния. Но изменение условий требует перераспределения компетенции: а при этом перераспределении принцип субсидиарности имеет решающее значение (другой вопрос — в какой мере исполняются или нарушаются его требования).

Если компетенции, как сказано выше, распределены правильно и отражают внутреннюю структуру общества, то становится видно, что они определяются изменениями этой структуры, а не наоборот. Зеркало отражает лишь то, что поставлено перед ним, оно не само определяет, что ему отражать. В этом заложено четкое различие между субсидиарным началом компетенции и связующим началом солидарности. Это последнее представляет собой в полном смысле слова активно действующий закон динамики общества, в то время как принцип оптимальной поддержки сопровождает эту динамику и следует за ней.

К сочетанию и соподчинению различных видов общественных объединений принцип оптимальной поддержки не имеет отношения, ибо он — не принцип подчинения, но принцип компетенции. Тот, кто упрекает принцип оптимальной поддержки в том, что в нем не указывается иерархического отношения между различными сообществами, обнаруживает лишь полное непонимание смысла оптимальной поддержки. Если то или иное сообщество входит в охватывающее его более емкое сообщество, то принцип субсидиарности может лишь указать, как должны быть распределены между ними сферы компетенции каждого. Входит ли та или иная ассоциация в охватывающее ее большое сообщество, и в какое или в какие именно сообщества она включается в качестве члена, на основании принципа оптимальной поддержки узнать нельзя.

Говорят, что трое немцев способно учредить по крайней мере пять ассоциаций. В этой шуточной форме выражается понимание того, что один и тот же человек может входить, и обычно входит, в целый ряд сообществ. Эти сообщества перекрываются во всевозможных областях деятельности, могут развивать между собой отношения господства и подчинения, но могут совершенно так же сохранять и полнейшую независимость друг от друга. Все это относится к фактическому положению вещей, все это относится к области фактов. Но лишь уяснив эти фактические отношения, установив, что та или иная ассоциация — член другого, охватывающего ее сообщества, можно обратиться к принципу оптимальной поддержки, чтобы с его помощью правильно распределить компетенцию между целым и входящими в него членами.

ГЛАВА 2

ПРИЛОЖЕНИЕ ПРИНЦИПА

ОПТИМАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ

1. В СЕМЬЕ

Нигде в мире люди не оказывают друг другу столько взаимной поддержки, сколько ее оказывается в семье. Сообщество-семья просто обязано оказывать своим членам эту всеобщую поддержку. От нее полностью зависит не только младенец. И не только дело жены и матери окружить любовью и заботами своих детей и мужа; муж и жена оба нужны друг другу: только в совместной жизни и в совместной деятельности они могут найти общее счастье и полноценно раскрыть свои личности. Детям нужна не только жертвенная забота матери, но и общая забота родителей, и они, со своей стороны, должны вносить свой вклад в жизнь семьи в соответствии со своим возрастом и развитием. А поскольку семья

должна заботиться о благе каждого из своих членов, то недостаточно, когда отец и мать и каждый из детей делает свое дело: отец зарабатывает и приносит в дом деньги, мать ведет домашнее хозяйство, дети готовят свои уроки, необходимо еще и общее дело, которое делают все вместе, помогая друг другу. В здоровой семье это все само собой разумеется. Положительный аспект принципа оптимальной поддержки в ней реализован.

Однако даже в дружной верующей семье нередко недооценивается негативный аспект этого принципа. Многие отцы и особенно многие матери не понимают или слишком поздно начинают понимать, что все, что делается ими для ребенка должно быть направлено на то, чтобы воспитать в нем самостоятельность и приучить его отвечать за свои решения. То, что называется проблемой поколений, трудности периода созревания, болезненные конфликты родителей и детей очень часто коренятся в том, что родители хотят вести подростка, как малое дитя, в то время как он уже вышел из детского возраста и во многих вопросах способен разобраться самостоятельно и сам отвечать за свои поступки. Принцип оптимальной поддержки требует от воспитателя — в первую очередь, от родителей — самого трудного: сделать себя и свою помощь излишней.

Принцип оптимальной поддержки дает также ответ на вопрос, хорошо ли для жизни семьи, когда определенные работы, в частности хозяйственного характера, производившиеся прежде в доме, выносятся из семьи и выполняются промышленностью. Если этим путем в семье высвобождаются силы для других дел или если с нее снимается этим ненужная перегрузка, то это вполне соответствует принципу субсидиарности. Но если это ведет к выхолащиванию семейной жизни, к незанятости и скуке или если труд заменяется пустыми развлечениями, то это означает не только расходы, которые приходится компенсировать дополнительным заработком на

стороне, но и духовное обеднение, угрожающее в конце концов распадом семейного начала.

С этой точки зрения следует рассматривать и перерождение прежней патриархальной семьи, состоявшей из нескольких поколений (дедушек, бабушек, родителей и детей), в современную семью, состоящую исключительно из родителей и детей. Бывают, конечно, непреодолимые обстоятельства, которые не изменишь, но без серьезных оснований оставлять престарелых родителей на произвол судьбы, переселив их в старческий дом, выражает несостоятельность семьи, неспособность ее исполнять свой долг оптимальной поддержки не только по отношению к подрастающему поколению, но и по отношению к предыдущему, не говоря уже о чувствах любви, уважения и благодарности.

2. В ЭКОНОМИКЕ

Концентрация производства

Уже довольно давно люди волнуются, наблюдая явления концентрации в хозяйственной жизни. Правда, происходит вовсе не то, что предсказывал Карл Маркс больше ста лет тому назад. Маркс полагал, что крупные предприятия будут поглощать мелкие, пока не останется в конце концов лишь несколько гигантов. Этого не случилось, но тем не менее масштабы предприятий все растут и растут, и различные производственные и торговые объединения достигли сегодня размеров, о которых не могли и мечтать люди предыдущих поколений. Все более крупные производственные мощности объединяются (концентрируются) под общим единым руководством. Очень большое количество рабочих сосредотачивается порой в одном производственном комплексе, но наблюдается и противоположная тенденция: именно в последнее время громаднейшие цеховые помещения стали почти безлюдными. В итоге развитой механизации производства, а еще больше в итоге автоматизации управления процесс концентрации рабочей силы в отдельных цехах

прекратился. Тем не менее, число работников, занятых на крупнейших предприятиях, продолжает расти (электротехнический концерн Сименса в ФРГ дает работу более, чем двустам тысячам рабочих и служащих; в американской фирме «Дженерал Моторс» это число втрое больше).

Растут производственные мощности (увеличенные емкости котлов, увеличенная мощность двигателей, гигантские доменные печи, огромнейшие агрегаты и поточные линии), но все это — интегральный рост внутри самого предприятия. Этот вид концентрации сводится к образованию более крупных производственных единиц и принципом оптимальной поддержки самостоятельности не затрагивается. Человек в качестве квалифицированного рабочего, техника или инженера, поставленный у пульта управления поточной линией, гигантского экскаватора или распределительного пульта электростанции, может и должен принимать и проводить в жизнь решения с сознанием полной, никем и ничем не снимаемой ответственности. Как личность он не только не ущемляется, но, напротив, — возрастает вместе с ростом поставленной перед ним задачи.

Совсем другое дело, когда растет предприятие; это слишком часто случается не в порядке собственного, внутреннего роста, но в результате того, что более крупное и более мощное предприятие «заглатывает» менее масштабные и более слабые, приобретает их и сливается с ними, в той или иной форме включая их в себя. Очень часто это случается, когда смежники, снабжающие крупное предприятие или забирающие его продукцию, оставаясь формально независимыми, практически превращаются в совершенно несамостоятельный придаток своего заказчика.

В этом случае концентрация сводится к тому, что гигантские производственные мощности сливаются в единый централизованно управляемый комплекс, в результате чего ущемляется самостоятельность небольших и средних предприятий. Тем не

менее, об отмирании их не может быть и речи; наоборот, с каждым днем открываются новые, и многие из них цветут и преуспевают. Вполне возможно при этом, что в общем и целом все большая часть производства товаров и услуг достается на долю крупнейших фирм, в то время как доля мелких и средних, — даже если в абсолютных цифрах она возрастает, — по отношению к производственным гигантам продолжает уменьшаться. А если это так, то мы имеем дело с другой формой концентрации, при которой центр тяжести экономического процесса все больше и больше переходит от малых и средних к крупнейшим предприятиям. Небольшие и средние фирмы отлично могут при этом увеличиваться в числе и даже расширяться, но крупные растут еще быстрее, и их значение в общем экономическом развитии возрастает.

Отсюда ясно: оба вида концентрации производства могут идти рука об руку, но они не обязательно связаны друг с другом. Даже когда отдельные предприятия вырастают до гигантских размеров, доля меньших и средних тоже может расти, и общая производительность экономики может разделяться на все увеличивающееся количество самостоятельных предприятий, хотя, возможно, при этом — и, пожалуй, даже вероятно — уменьшение общего удельного веса средних и мелких фирм.

Оба вышеназванных вида концентрации производства не ведут к прямому нарушению принципа субсидиарности, исключая те случаи, когда более мощное предприятие подавляет менее мощное и «заглатывает» его против воли последнего или, наоборот, когда предприятие, само по себе способное самостоятельно справиться со своими задачами, из косности или боязни риска отдается на милость более сильного, уклоняясь от необходимости принимать собственные решения. Все эти формы концентрации управления противоречат, однако, замыслу, положенному в основу идеи оптимальной поддержки, а именно — стремлению к

тому, чтобы у человека (причем, насколько возможно, у каждого человека, а не только у немногих руководителей крупнейших фирм) была своя сфера деятельности, в которой он может самостоятельно и ответственно принимать и проводить в жизнь собственные решения, где он на самом себе чувствует как успехи своего умения и стараний, так и горечь своих неудач, ошибок и просчетов, снова и снова толкающих его к напряжению его сил и способностей. Без действительной нужды, без подлинной необходимости и без несомненной выгоды не следует стремиться к концентрации; управление экономикой не должно стимулировать процесса концентрации производства; напротив, оно должно его тормозить и затруднять. Другое дело, если концентрация влечет за собой реальные преимущества, если, например, небольшое предприятие, не способное к самостоятельному существованию, становится филиалом или цехом большого концерна и может в результате этого укрепить и развить свое хозяйство, улучшить или удешевить снабжение клиентов или предоставить своим работникам более выгодные условия труда; в таком случае концентрация окупает себя и оправдана.

Есть, наконец, и третий, совершенно иной вид концентрации, для которого принципы солидаризма могут служить непосредственной меркой. Этот вид концентрации касается внутреннего порядка, строения и управления производством и предприятием. Он заключается в том, что все большее количество решений переносится к вершине руководства или даже выносится из предприятия и передается хозяйственным объединениям или аналогичным организациям. Если это происходит без явной необходимости или без достаточно убедительного основания, то мы имеем дело с грубым нарушением принципа субсидиарности. Здесь нет даже нужды в углубленном анализе каждого отдельного случая, и нет нужды взвешивать, в какой мере то или иное мероприятие, снимающее свободу решений и ответственность с

подчиненных частей производства, а тем более с самого предприятия, было неизбежным или обещало существенные преимущества. Ибо нет сомнений, что вытекающий из него ущерб не только сводит на нет, но и перевешивает эти преимущества.

Право на соучастие в решениях

В этой связи следует рассматривать и право рабочих и служащих на соучастие в управлении предприятием. Согласно принципам солидаризма, каждому участнику производственного процесса нужно предоставить как можно более широкое поле для принятия самостоятельных ответственных решений и регулировать его деятельность с помощью разного рода указаний и норм лишь в той мере, в какой это диктуется деловыми соображениями.

Точно так же вопрос о том, должно ли соучастие в персональных, социальных и хозяйственных решениях, как и соучастие в управлении, распространяться только на работников данного предприятия, или также и на профсоюзы, нужно рассматривать в свете принципа оптимальной поддержки. В случае, когда работники предприятия сами способны справиться с этой задачей, профсоюзам незачем вмешиваться, и следует ограничить свои заботы участием в выработке экономических и социальных решений на других уровнях. Если, однако, кадры предприятия не чувствуют себя в силах справиться с задачей соучастия в принятии решений без помощи профсоюза, или если существует угроза: что они будут руководствоваться близорукими интересами фирмы за счет общеэкономических интересов, а при определенных обстоятельствах и в ущерб собственному предприятию, то профсоюз следует привлечь также и к участию во внутрифирменных решениях.

Крупные экономические зоны

Весьма сложен вопрос крупных экономических зон вроде Европейского Экономического Сообщества, стран СЭВ и т.п. Пока дело идет лишь об устранении препятствующих обмену экономических

преград, с солидаристической точки зрения против таких объединений не может быть возражений. Опасно лишь, когда возникают новые экономические объединения с сопровождающими их новыми межгосударственными и надгосударственными бюрократическими аппаратами, отстраиваемыми для политических целей. Если же сама хозяйственная жизнь разрастается так, что рамки отдельных государств становятся для нее слишком узкими, если взаимопереплетение отдельных народных хозяйств становится настолько тесным, что в вопросах денежного обращения, экономического роста (конъюнктуры) и занятости появляется необходимость объединенного действия, требующего передачи полномочий тем или иным межгосударственным или надгосударственным инстанциям, будь то в Брюсселе или в любом другом центре, то это не только не нарушает принципа оптимальной поддержки, но вполне ему соответствует. Создаваемые для этого организации, наделенные необходимыми полномочиями, могут и должны оказывать входящим в данную зону странам требующуюся им оптимальную поддержку,

3. СВОБОДНОЕ ОБЩЕСТВО

В расширенном толковании понятия «общество» экономическая деятельность и государственное управление — суть явления общественной жизни. Хозяйствование составляет отнюдь не маловажный аспект жизни общества, а государство — просто ничто иное, как общество, введенное в рамки права и власти. Говоря о «свободном» обществе, мы хотим подчеркнуть, что речь идет не о правовой или с аппаратом власти организации общественной жизни, наблюдаемой в государстве, но о том, что происходит в ней помимо и вне рамок государственного управления. И хоть мы разбираем здесь общество в его непосредственном взаимодействии с хозяйство-

ванием, становится ясно, что хотя в нашем словоупотреблении понятие «общественная жизнь» включает в себя и хозяйствование, термин «общество» применяется преимущественно к внеэкономическим сферам (к воспитанию и образованию, художественному творчеству, печати, театру, кино, радио и телевидению и т. д.). Все это в первую очередь имеется в виду, когда заходит речь об общественной жизни.

Эта общественная жизнь представляет собой свободное движение отдельных лиц и коллективов, всевозможных ассоциаций и союзов, начиная с семьи и множества разнородных организаций (групп, объединений, профсоюзов, но также и предприятий, пусть даже занятых главным образом коммерческими интересами) и кончая человечеством как сообществом, до сего дня еще лишенным государственной или государствовподобной организации.

И когда мы говорим о принципе оптимальной поддержки, о том, что он защищает права малых сообществ, то мы, конечно, имеем в виду — или по крайней мере не в первую очередь — не карликовые государственные образования вроде княжества Лихтенштейн, Андорры, Сан-Марино и т. п., представляющих интерес главным образом для собирателей почтовых марок, но, кроме семьи, — то множество вольных ассоциаций, в которых человек встречается с человеком, в которых люди знают друг друга, в которых они вместе отдаются тому или иному любимому занятию, а порой преследуют весьма существенные общие интересы. Все эти вольные объединения — поскольку они не ставят себе недостойных целей — имеют право на оптимальную поддержку охватывающих их общественных образований (местных властей и государства) и не должны подавляться ими. Да и в своей собственной структуре они должны предоставлять входящим в них меньшим группам как можно больше свободы и самостоятельности и перепоручать общей органи-

зации руководство только тем, что не может быть сделано в этих меньших группах.

Самоуправление вольных ассоциаций

К сказанному нужно прибавить: принцип оптимальной поддержки требует, чтобы вопросы общего, — и в этом смысле общественного — значения насколько это возможно пререпоручались общественным (надгосударственным) ассоциациям, освобождая от них государство и передавая их, таким образом, инстанциям, ближе стоящим к тем, кого они непосредственно касаются. Здесь дело идет об общем благе, а тем самым и о принципе солидарности. Ведь там, где людям приходится заботиться об общем достоянии, им приходится проявлять солидарность. Объединившись друг с другом и образовав таким образом дееспособное общество, они становятся способны применить к поставленной задаче принцип оптимальной поддержки. Если до сих пор данной задачей занималось государство, то оно должно было бы передать ее теперь вольным ассоциациям. Можно себе представить и можно считать желательной передачу для этого вольным сообществам управление не только хозяйственными, но и любыми другими делами за исключением тех, которые в силу своего политического характера должны оставаться в компетенции политической власти, то есть государства, перед которым вольные сообщества продолжали бы нести ответственность как перед верховным гарантом общественного блага. Этот основополагающий замысел общественного устройства в энциклике Папы Пия XI «*Quadragesimo anno*» сформулирован как вывод из принципа субсидиарности и подтвержден затем в энциклике «*Mater et magistra*».

В настоящее время мир еще очень далек от такого положения вещей, и мы имеем перед собой неорганизованное соседствование и противостояние групп, связанных общими интересами или, как принято теперь выражаться, групп, способных оказывать давление. В одном определенном случае, одна-

ко, мы имеем в современном демократическом обществе две мощных организованных группы в лице союзов работодателей, с одной стороны, и представителей наемного труда (профсоюзы), — с другой, которые уже приняли на себя роль автономных социальных партнеров на рынке труда и договариваются между собой, в частности, об условиях работы, снимая эту задачу с государственной власти. При условии, разумеется, что непосредственные участники переговоров способны правильно оценить положение, обладают чувством ответственности и умеют справляться с задачами в непосредственной области своей деятельности, такое решение полностью отвечает требованиям оптимальной поддержки.

4. ГОСУДАРСТВО

Подчеркивая в принципе субсидиарности его негативный, ограничительный аспект, мы стремимся подчеркнуть заложенную в нем задачу защиты человека и человеческих коллективов от излишней опеки. Это объясняется, как мы уже говорили, прежде всего тем, что в пережитом нами недавно тоталитарном государстве немецкого национал-социализма, а ныне все еще — в коммунистической части мира люди вынуждены подчиняться угнетающей опеке тоталитарной власти, посягающей на безраздельное господство. Выделяя негативный аспект принципа субсидиарности, мы стремимся в самом зачатке ограничить тенденции, способные, если дать им развиваться до конца, снова повлечь нас в сторону тоталитарной государственности. Самоуверенные претензии оживившегося в последнее время индивидуалистического либерализма дают нам, однако, все основания с не меньшей энергией выставить напоказ также и позитивную, творческую сторону принципа оптимальной поддержки.

Благотворительность и социальное обеспечение

Споры о роли государства в деле благотворительности и социального обеспечения ведутся ныне повсюду. Направленные на это требования становятся политическими лозунгами. В итоге же никто толком не понимает, что, собственно, имеется в виду, и все запутывается так, что одно смешивается с другим, и под социальным обеспечением понимается благотворительность, а зачастую и наоборот. Если придерживаться первоначального значения слов, то, говоря о государственной благотворительности, надо иметь в виду государственную власть, не ограничивающуюся защитой законов (это было бы чисто правовой государственностью), но стремящуюся также к достижению и обеспечению всеобщего благополучия. Сюда относится, в первую очередь, конечно, право; правовое государство обязано само действовать на основе права и охранять права своих граждан. Но сюда же относится и забота об общем достоянии, то есть об условиях, в которых каждый гражданин имеет, к чему приложить свои силы, добываясь своего подлинного блага. При наличии этих условий само собой устанавливается то производство благ, на которое нацелено государственное объединение народа, которыми пользуется каждый участник этого производства. Государственность, усилия которой направлены на то, чтобы обеспечить каждому гражданину возможность развития его дарований и приложения его сил, а следовательно и пользования всеми благами и достижениями общества, можно обозначить как государственность, направленную на благосостояние народа; такая государственность оказывает оптимальную поддержку деятельности своих граждан согласно принципу субсидиарности.

В противоположность этому, государственность, озабоченная лишь снабжением своих граждан и ставящая себе задачу не только облегчить, но и просто снять с них все хлопоты о собственном обеспечении, практически навязывает им свою помощь

или помощь создаваемых ею организаций, даже и там, где люди могли бы самостоятельно или объединившись с другими позаботиться о себе и своих близких. Такая опека со стороны государства подавляет самодеятельность граждан, мешая проявлению их собственных сил и препятствуя росту и созреванию сознания собственной ответственности. Такого рода помощь по сути дела — не помощь, а лишь обманчивая видимость помощи, тем более что все, что может быть роздано государством, должно ведь быть собрано с тех же граждан, причем часто именно с тех, между которыми органы государственной власти с видом прекраснодушной щедрости распределяют то, что сами же отобрали у них.

Государственная власть, перенимающая на себя задачу социального обеспечения граждан, разумеется, примет меры также и к обеспечению тех, кто не может сам о себе позаботиться, и у кого нет готовых позаботиться о них родных, более близких им, чем государство. Но и в этом случае органы власти постараются связать свою помощь с предыдущими заслугами тем, кому она оказывается. Так, например, пенсии рассчитываются пропорционально бывшему заработку пенсионеров. Не способные больше к труду старики и инвалиды могут при этом утешаться сознанием, что они «заработали» себе на пенсию, величина которой соответствует их трудовому вкладу. Законодательство при таком подходе оговаривает только минимум обеспечения. Однако государство, обеспечивающее таким образом инвалидов войны, не становится при этом благодетелем; и тут оно лишь расплачивается за ущерб, понесенный ради него потерявшим трудоспособность инвалидом.

Социальное страхование (как оно производится в настоящее время в Западной Европе, — прим. пер.) в своем замысле есть ничто иное, как возведенное в закон обязательство по взаимопомощи. Установление обязательности такого страхования и расширение этой обязательности до предела

удовлетворения безусловных потребностей характерно для государственной власти, озабоченной благосостоянием граждан. Распространение обязательного социального страхования за пределы, в которых оно служит лишь поддержкой самодеятельности общественной взаимопомощи, ведет к подмене системы социального обеспечения системой государственной опеки, характерной для государственной власти, полностью принимающей на себя управление снабжением населения.

По замыслу, государственная власть, озабоченная благосостоянием своих граждан, резко отличается от власти, самовольно распоряжающейся снабжением; на практике, однако, переход от одной системы к другой может быть почти незаметен. Мероприятия и организации, направляемые первоначально исключительно заботой о благосостоянии народа, могут путем простого выхода за пределы оптимальной поддержки самостоятельности общества превратиться в государственную опеку, став таким образом еще одним примером «перехода количества в качество».

В спорах о преобразовании пенсионного обеспечения в ФРГ в 1956-57 годах можно было наблюдать поучительный пример неправильного толкования принципа оптимальной поддержки. Со времени введения обязательного пенсионного обеспечения германское государство приплачивало и приплачивает к каждой пенсии из государственного бюджета. Министр финансов ФРГ предложил тогда сообразоваться с принципом субсидиарности и доплачивать из бюджетных средств исключительно нуждающимся пенсионерам; доплата к хорошей пенсии в его глазах была неоправданной. Это решение означало бы, однако, что все пенсионеры, претендующие на эту доплату, должны были бы показать свои доходы и расходы для соответствующего контроля. Но социальное страхование, по самому замыслу, обеспечивает застрахованному право на получение пенсии, исключаяющее вмешательство государ-

ственных органов в его личные дела, а контроль доходов и расходов неизбежно влечет за собой такое вмешательство. Правильнее было бы поставить вопрос о том, в какой мере организация пенсионного обеспечения нуждается в финансовой поддержке из государственного бюджета, и не может ли оно обойтись взносами самих страхующихся. Если ответ гласит, что нет, не может, то тогда, и только тогда, доплата из государственных средств в порядке оптимальной поддержки нуждающихся будет оправдана.

Федерализм

В солидаристическом учении о государстве принцип федеральности имеет большое значение. Федеральное устройство означает, что государственная власть отстраивается в двух или нескольких ступенях. Так, Федеративная Республика Германии состоит из так называемых «земель», государственных образований, членов общего федеративного государства. Европейские государства, — по крайней мере в глазах сторонников объединения Европы, — со временем тоже должны составить не просто союз государств, но охватывающую их федерацию — Соединенные Штаты Европы, наподобие Соединенных Штатов Америки, или Швейцарии, или ФРГ. Нередко можно услышать мнение, что общины в составе государства как организационной ячейки общества не столь уж отличны от государства, охватывающего их в качестве членов, и что уже у них можно видеть низшую ступень государственности. И если государства-города Гамбург и Бремен входят в состав Федеративной Республики Германии, то почему бы не даровать права членов федерации, скажем, городу Кельну, на Рейне, или Штуттгарту, в Швабии, или Мюнхену, в Баварии? Сейчас, при рассмотрении федерализма, нас интересует, однако, только вопрос — созвучен ли он требованиям принципа оптимальной поддержки и, больше того, можно ли утверждать, что принцип оптимальной поддержки требует федерального государственного устройства?

Иерархическое распределение компетенции с тем, чтобы то, что имеет значение для данной области, могло бы решаться в этой области, и в самом деле решалось бы в ней, а не переносилось бы выше, в то время как то, что касается всего федеративного государства и должно решаться одинаково для всех его составляющих, должно оставаться в ведении федерального законодательства, и, наконец, то, что (для ФРГ, — прим. пер.) может решаться на общеевропейском уровне, должно передаваться туда, очевидно, вполне соответствует принципу оптимальной поддержки. Точно так же все, касающееся исключительно местной общины — будь то крупный городской центр или небольшое село, и могущее быть исполненным его собственными силами, должно быть оставлено на ответственность данной общины, а не передаваться выше, в руки областной или центральной власти. Принцип федерализма, если он нелицемерно и добросовестно соблюдается, действителен сверху донизу и обеспечивает подлинное самоуправление общин. Если же понимать федерализм широко, то можно, сказать, что он не только соответствует принципу оптимальной поддержки, но прямо-таки требуется им; иными словами, он — ничто иное как его воплощение в государственной жизни. Понимаемый в этом расширительном значении, он означает максимально допустимую свободу действий низового самоуправления и предельно возможную близость к конкретным делам и занятым ими людям.

Политики, и в частности юристы, занимающиеся государственным правом, понимают, однако, принцип федерализма обычно более узко. Членами государственной федерации, по этому более узкому определению, не могут быть любые общины или объединения общин (на уровне района, области, округа или как бы они там ни именовались), но только государственные образования, признанные государственным и международным правом. В этом, более узком толковании федерализм, конечно, тоже

представляет собой воплощение солидаристического принципа оптимальной поддержки, однако не единственно возможное. Существуют ведь также и государства, охватывающие большие пространства с большим населением, не составленные из государств-членов и центрального федерального правительства и осуществляющие требуемую принципом субсидиарности децентрализацию управления сверху донизу не хуже, а порой, может быть, и лучше, чем это делается в федерациях.

ЦЕРКОВЬ

Когда папа Пий XII 20 февраля 1946 года, обращаясь к новоназначенным кардиналам, сказал, что принцип субсидиарности действителен и для Католической Церкви, многим это показалось удивительным. Разумеется, Церковь не просто и не только одна из общественных организаций. Церковь больше, чем только человеческое сообщество. Церковь — единство совершенно особого и высшего рода, во главе которого стоит Сам Христос; она — таинственное тело Христово; по происхождению и назначению она принадлежит не постороннему природному миропорядку, но порядку потустороннему и сверхъестественному. В этом укоренены принципиальные различия между Церковью и любыми другими сообществами. Но тем не менее Церковь представляет собой также и полновесную общественную организацию, и в силу этого в ней не может не действовать и принцип оптимальной поддержки, который — как и принцип солидарности — есть принцип бытия, вытекающий непосредственно из того, что составляет сущность объединения людей. Не может быть поэтому, чтобы он не действовал в жизни Церкви.

Церковь как вместилище благодати

Усматривая в Церкви учрежденную Иисусом Христом духовную лечебницу, дарующую нам,

начиная с крещения, богосыновство и ведущую к спасению души, мы признаем, разумеется, что она оказывает нам больше, чем оптимальную поддержку (подобно тому, как родители при зачатии ребенка не просто оказывают ему помощь для вступления в земное бытие, но без всякого собственного участия даруют ему его земную жизнь). Мы не только собственными силами добиваемся спасения, в чем Церковь оказывает нам помощь и поддержку, но Сам Христос и Церковь как мистическое тело Христово совершает в нас новотворение, новое духовное рождение к сверхъестественному бытию, в возрастании которого мы, однако, должны соучаствовать силою дарованной нам благодати. Для этого соучастия в благодати, в деле самовоспитания или, — говоря языком богословия, — «самоосвящении» действует тот же принцип, который в жизни общества мы называем принципом оптимальной поддержки, но на более высоком уровне. Взаимодействие верующего христианина и дарованной ему божественной благодати — исключительно личное дело каждого и не может быть никому передано. Церковь ни имеет права, да и не может заменить собой личного усилия верующего и освободить его от этого усилия. Церковная служба и совместное действие может послужить толчком и руководством, может при случае иной раз и помочь, но не может заменить и сделать ненужными личный труд и личные усилия.

Церковь как человеческое сообщество.

Сказанное о мистической стороне Церкви как вместилище благодати тем более действительно для нее как общественной организации. В том же обращении к кардиналам, о котором мы только что упомянули, папа Пий XII сказал: «мы — Церковь», — имея в виду не себя, не церковную иерархию, и не клир, но как раз мирян. Верующие миряне не должны думать, будто они принадлежат к Церкви в виде какого-то придатка или объекта религиозного окормления, но сознавать, что «мы — Церковь», что

они сами и есть Церковь. По тому, как Христос учредил Церковь, на нее возложены заботы не только носительницы духовной благодати, но также и сообщества, ассоциации верующих. Перестройка мира в духе христианской веры, его освящение составляют общий предмет служения для всех верующих, иначе говоря, — задачу Церкви как общественной организации.

Первейшее и важнейшее в этом деле — личное испытание каждого верующего в его мирских, светских задачах, т.е. в семье, в профессиональной работе, во всех областях культурной, общественной и хозяйственной, и не в последнюю очередь и в политической жизни. Церковная иерархия может и должна судить о том, совпадают те или иные целепостановки и мероприятия с законом Бога и духом Христовым или же противоречат ему. Исполнение их находится, однако, неизбежно там, где делается само дело, т.е. в руках деятелей соответствующей области. А деятели эти — миряне (и если тот или иной священнослужитель занимается тем же, то уже не в качестве священника, а в качестве мирянина, гражданина, ученого и т.д.).

Так, в деятельности верующих христиан в том или ином предприятии духовный наставник может лишь указать на требования их христианского долга по отношению к производимой работе и к тем, с кем им приходится сотрудничать. Все остальное зависит от них самих, от их терпения и готовности поступать согласно своей вере. Если верующие мужчины и женщины, делая свое дело, не сумеют услышать, что подсказывает им их вера, и вместо того, чтобы действовать по собственной инициативе, будут ожидать указаний церковного руководства, то это будет проявлением не живой веры, но омертвелой догмы.

То же самое следует сказать об участии в тех или иных общественных движениях и начинаниях. Так, например, священнику не место во главе профсоюза, и епископ не станет судить о том, какие требования этого профсоюза справедливы и на каких

ему нужно настаивать. Церковь имеет право и обязана указывать на христианские основы морали и права, но компетентно судить о реальном положении вещей, о поставленных целях и средствах к их достижению должны те, кто живет и действует в данной жизненной сфере.

Если сказанное здесь действительно для работы предприятий, для общественных и профессиональных организаций, для кооперативных товариществ, для вольных ассоциаций, то тем более это действительно для политической деятельности. Разумеется, политик должен придерживаться основ морали и права, и одна из задач церковных пастырей — указывать ему на эти основы. Но заниматься политикой не входит в задачи Церкви. Призвание политика и призвание священника — совершенно разные вещи.

Бесспорно, история знает отдельных священнослужителей, совершивших великие исторические дела; но в общем и целом, когда они брались за бразды правления, больше того, когда авторитет Церкви использовался для вмешательства в светскую политическую деятельность, и церковные деятели хотели предписывать политикам, как они должны решать политические вопросы, это не приводило к добру. Конечно, если политик — христианин, то и он может и должен, со своей стороны, вносить свой вклад в дело христианизации мира, понимаемой, однако, не как превращение его в некий всемирный монастырь, но как сообразованное с его светским характером и дикуемое деловыми требованиями упорядочение его структуры согласно воле Бога. Содействие этому — долг каждого христианина, члена Церкви Христовой, долг, исполняемый им в силу христианской ответственности, но также и в силу своего членства в том политическом союзе, в который он входит, — будь то в качестве рядового гражданина или руководящего государственного деятеля на ответственном посту.

То, что миряне совершают как члены Церкви в ее служении освящению мира в сознании, что «мы и есть Церковь», — отнюдь не просто доделка того, на что не хватает священников, не умножение, расширение и углубление деятельности клира, но самостоятельная деятельность в самостоятельных сферах. Тут нельзя сказать, что, «увы, нам недостает священников, и кое-что приходится делать мирянам», ни — «к счастью, у нас есть достаточно активных мирян, и священники могут благодаря этому отдаться своим духовным задачам». Нет, существеннейшая задача верующих мирян — это воплощение Церкви в миру, а это воплощение — существеннейшая часть этого обращения, с которым божественный Основатель послал ее к миру и в мир. Это воплощение с должным размахом и мощью может быть свершено только верующими мирянами как посланным в мир народом Божиим. Разумеется, каждый народ формально представлен также и своим правительством и дипломатическим корпусом; но в своем естестве он может представить себя только сам, своим поведением и своими достижениями. И значить в жизни мира он будет ровно столько, сколько сумеет внести в нее добра. Сталин в свое время спросил: «Сколько у папы дивизий?» Если бы все 500 миллионов католиков (да и все верующие христиане, — прим. пер.) оправдывали свою веру делами, этот издевательский вопрос не мог бы быть задан. В нашем современном мире не отдельные выдающиеся клирики, но лишь живущий в духе верующий народ может преобразовать облик нашей планеты!

ГЛАВА 3

ВЫВОДЫ ИЗ ПРИНЦИПА ОПТИМАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ

1. ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА МИРА

Еще сегодня господствует мнение, по которому «государство» объединяет в себе всю полноту власти, в частности, компетенцию законодательской деятельности и принуждения в применении права; его компетенции подлежит вся жизнь страны (за исключением разве что чисто религиозной сферы); ничто не может быть поставлено над государством; все, что имеется в его границах, а следовательно — под его суверенитетом (опять-таки за исключением Церкви и безрелигиозных мировоззренческих обществ, за которыми признается особое (спрашивает только — чье?) призвание), существует лишь по его милости, будь то в итоге государственного почина, или в силу правительственного разрешения; все организации, — будь то территориальные общины (административные объединения), учреждения или вольные ассоциации, в частности несущие те или иные функции общественного значения (как, например, стороны, заключающие коллективные договоры, приобретающие силу права), — получают свои полномочия в форме делегирования их государственной властью.

На уровне государства, воспринимаемого все еще по образцу национальных государств 19-го века, все полномочия собраны воедино по той единственной причине, что государство расценивается как высшее, чуть ли не божественное начало, только потому, что оно — «Государство».

Принцип оптимальной поддержки требует как раз обратного. Любая компетенция должна нахо-

диться там, где она наиболее конкретно может быть приложена к делам и людям, то есть как можно к ним ближе.

Если суверенитет означает «право на последнее слово», на полномочие сказать решающее слово в каждом данном деле, то не может быть никакого всеобъемлющего суверенитета. Ни одно лицо и ни одна инстанция не обладает такими полномочиями. Больше того, характером каждого данного дела определяется, кто, в конечном счете, компетентен его решать.

В политической жизни есть вопросы, касающиеся блага всего человечества. Их нельзя поэтому предоставлять на усмотрение и на волю тех или иных отдельных государств, которые кроме того и не могут справиться с ними, как следовало бы. Число такого рода вопросов все время растет, что переносит это все возрастающее число из сферы полномочий отдельных государств в еще совершенно недостаточно отстроенную сферу, которую можно назвать сферой международного права или сферой управления миром. Немалое число таких вопросов находится на промежуточных уровнях, на, так сказать, «полуэтажах» между отдельными государствами и всемирным уровнем. На этих полуэтажах расположилось, как известно, немалое число учреждений и организаций (назовем, для примера, хотя бы Европейское Сообщество, Организацию международного сотрудничества и развития (ОМСР) или институты Бреттон-Вуда), существование которых оправдано принципом оптимальной поддержки, когда они занимаются полезным делом и выбирают для этого уровень, на котором усилия приносят конкретные плоды. Но действительно охватывающей весь мир верховной политической организации до сих пор, как известно, не существует; Организация Объединенных Наций стремится, правда, со временем стать таковой, но до этого еще очень далеко. А насколько неустойчив в настоящее

время фундамент, на котором она построена, видно из каждодневного болезненного опыта!

Солидаризм видит необходимость создания подлинно прочного фундамента. Но как это сделать — нельзя вывести непосредственно из принципа субсидиарности; это — дело политического разума и искусства. Принцип не предлагает и списка вопросов, относящихся к высшему уровню; он указывает лишь признак, по которому в каждом отдельном случае можно решить, на каком именно уровне следовало бы рассматривать тот или иной вопрос.

Сказанное при рассмотрении, так сказать, сверху сферы компетенции отдельных государств справедливо и для взгляда, направленного вниз. Если верно, что вопрос, выходящий за рамки дееспособности отдельного государства, должен передаваться выше, то такое же требование действительно и для передачи вниз: государственная власть не должна брать на себя ничего из того, что не требует вмешательства или поддержки государства, а если такого рода вопросы по ошибке оказываются в ее ведении, передавать их нижестоящим инстанциям, причем до того уровня, на котором каждый данный вопрос может быть разрешен наилучшим образом.

В свете солидаристического принципа субсидиарности кажется, будто государство, в понимании, установившемся с тех пор, как понятие «государство» заняло место прежних понятий, — начинает вроде бы улечиваться и «отмирать». Если национальные государства 19-го века были, можно сказать, небесной твердью, над которой возвышался престол Господа Бога (поелику еще допускалось Его бытие) и под которой мы, жалкие земнородные, влачили свое существование подданных, то эта мнимая твердь ныне исчезает для нас, как для летчика, поднявшегося над облаками, а тем более для космонавта, рассчитывавшего встретить Бога в мировом пространстве и убежденно заверяющего, что Его там не встретил; небесный купол для нас опускается, по нему ползут облака, и с него идет дождь.

Суверенитет — по устаревшему представлению — сплошная плоскость, — растягивается, как гармошка, в обоих направлениях, как вверх, так и до предела вниз.

Во всех нас еще живет устарелое понятие о государстве или государствах и их суверенности настолько прочно, что нам очень трудно вдуматься в идею оптимальной поддержки и посмотреть на современную действительность в свете этой идеи; нам не хватает для этого даже средств языкового выражения, так как весь наш словарный запас разработан из прежних представлений или связан с ними настолько тесно, что вместе с бытующими в нашем языке привычными для нас словами мы, сами того не замечая, думаем устаревшими представлениями.

В защиту федеративной структуры государственной власти или местного самоуправления можно с основанием ссылаться на принцип субсидиарности, однако с должной осторожностью.

Двухсложная или двухступенчатая государственность (общее государство и входящие в него государства-члены) открывает возможность удовлетворить требованиям оптимальной поддержки, но это не единственная возможность. Более того, к тому же ведет и множество других путей, среди которых мы можем выбирать. Чтобы удовлетворить требованиям принципа оптимальной поддержки, необходимо избежать двух возможных ошибок. Во-первых, принцип федерализма нельзя толковать в былых (до Бисмарка, — прим. пер) «вольностях германских князей», в итоге которых задачи, подлежащие ведению общегерманской государственности, оставались на уровне компетенции государств-членов или спускались на этот уровень. Во-вторых, федерация не должна ограничиваться одной страной; построенным по образцам 19-го века современным государствам следует, с одной стороны, перестроиться самим на федеративной основе, а с другой стороны, объединиться в федеративные группы государств. Так, например, нужна не «Европа отечеств» (как

ее проповедывал де Голль, — прим. пер.), в которой каждое государство продолжает стряпню на собственной кухне, но «Европа для европейцев», своего рода «Соединенные Штаты Европы», наподобие других крупных государственных образований континентальных масштабов в Америке и Евразии.

Для того, чтобы творить полититку, мало одних лишь принципов, как бы хороши они ни были, мало и солидаристического принципа оптимальной поддержки. Принципы могут, однако, — в том числе и солидаристические, — помочь в политическом творчестве, указывая на направление и путь, идя по которому можно улучшить устройство мира.

2. РАСШИРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Развитие может привести к тому, что государственной власти достанутся задачи, разрешавшиеся прежде муниципалитетами или вольными ассоциациями. Существует ли в той или иной области реальная потребность в усиленном вмешательстве государства, — не принципиальный вопрос, но вопрос реального положения вещей. При формулировании принципа субсидиарности (уже более полувека тому назад, в 1931 году, прим. пер.) в энциклике «Квадрагезимо анно» сказано, что «в изменяющейся обстановке некоторые задачи, легко разрешавшиеся прежде силами местных общин, могут ныне разрешаться лишь более крупными». Этим отбрасывается ложное представление, будто принцип оптимальной поддержки, в противоречие истории и опыту, направлен против такого развития. В нем содержится всего лишь требование более тщательной проверки и предостережение от распространившейся в последнее время склонности без ясно выраженной нужды передавать те или иные дела компетенции высшей инстанции (проявление своего рода «гигантомании»).

К этой же теме относится и право уполномочивания, то есть зафиксированное в основном законе право решать, кто именно (какая инстанция) компе-

тентен в определенном вопросе, а равно — на каком уровне он должен решаться. При правильном понимании дела носитель права определения полномочий становится исполнителем принципа оптимальной поддержки. Этот принцип нуждается в инстанции, имеющей право и власть обеспечивать его соблюдение, поскольку человеческий произвол может действовать, и нередко и действует, ему наперекор. Однако и дающий полномочие — всего лишь человек, и он может не только ошибаться, а, пожалуй, и легче других поддаваться соблазну злоупотреблять своей властью и в нарушение принципа субсидиарности оставлять за собой полномочия, которыми, по справедливости, следовало бы облечь другие, как правило, нижестоящие инстанции. Учитывая это, можно, пожалуй, сказать: государство следует считать правовым, и в частности солидаристическим государством, в той мере, в какой его основной закон гарантирует, что право облекать полномочиями не будет использоваться по произволу, но будет так или иначе активно контролироваться верховным или конституционным судом.

3. ПРИНЦИП ОПТИМАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И ПРИНЦИП ОПЕКИ

Государство, соблюдающее и охраняющее принятые в нем права, с основанием принято называть «правовым государством». Но если оно кроме того озабочено благоденствием граждан и старается сделать все необходимое для того, чтобы его граждане с успехом самостоятельно могли приложить свои силы к достижению собственного блага, мы можем назвать его еще и социально-правовым или социально-рыночным государством. Если же, напротив, государство принимает на себя обеспечение своих граждан, иначе говоря стремятся снять с них заботу о собственном благе и опекает их там, где частные лица или менее масштабные объедине-

ния могли бы не хуже, а зачастую и лучше справиться без его вмешательства, оно тем самым не дает им возможности приложить собственные силы и воспользоваться собственными способностями. (В государствах с реально социалистическим строем мы имеем дело именно с таким подходом, — прим. пер.).

Из сказанного ясно: в государствах солидаристического типа принцип оптимальной поддержки и взаимопомощи соблюден целиком и полностью; в государствах, построенных на всесторонней опеке граждан, он открыто и принципиально отбрасывается.

4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СВОБОДНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Во взаимодействии между свободной и государственной благотворительностью принцип оптимальной поддержки применим лишь в самых общих чертах. Там, где в составе общественного объединения (муниципальной общины, государства) вольные ассоциации не только хотят, но и могут нести общественные функции, охватывающее их объединение не должно перенимать их на себя и дублировать, блокируя таким образом их деятельность. В этом случае между вольными ассоциациями и государственными организациями проявляется подразумеваемое в принципе оптимальной поддержки соотношение между частью (членом) и целым; и в этом смысле принцип субсидиарности находит здесь применение.

Во многих случаях, однако, соотношение части и целого не имеет места. Так, например, при взаимодействии какого-нибудь локального муниципалитета и благотворительного общества, действующего на широко раскинутой территории, принцип оптимальной взаимопомощи можно применять не прямо, но лишь по аналогии (согласно его смыслу и в случае возникновения потребности).

Для такого рода применения нашего принципа (то есть по аналогии и по его смысловому содержанию) для взаимоотношений добровольной и публичной благотворительности можно принять, например, неявно заложенную в понятии оптимальной поддержки мысль о том, что предпочтение должно отдаваться помощи более человеческой, той, в которую вкладывается больше сердечности и тепла. Свободная благотворительность вольных ассоциаций идет от человека к человеку, и в силу этого — человеческое именуемой «социальным обеспечением» государственной благотворительности, проходящей по инстанциям и распределяемой согласно директивам. Это различие уменьшается, правда, в той мере, в какой также и вольная (в том числе и церковная) благотворительная деятельность принимает по мере роста все более жесткие организационные формы, а вместе с ними (по-видимому, — неизбежно!) бюрокритизируется.

Нам, католикам, христианское мелосердие и благотворительность важнее, нежели публичные (общинные или государственные) учреждения и мероприятия, и это так и когда мы даем, и когда мы принимаем пособия. Но мы слишком легко забываем, что для не католиков, а тем более для неверующих дело обстоит иначе; многим из них не только их собственное объединение (будь то профессиональный союз или какая-либо иная ассоциация), но и публичные организации (на уровне местной или государственной власти) по-человечески ближе наших церковных учреждений.

И если принцип оптимальной поддержки вообще применим к вопросам добровольной и публичной благотворительности, то применять его следует лишь с величайшей осмотрительностью, в большинстве случаев больше по смыслу и сходству, чем по буквальным формулировкам.

Оглавление

Стр.

Предисловие издателя	5
ЧАСТЬ 1 ВЗАИМНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (ПРИНЦИП СОЛИДАРНОСТИ)	
Глава 1 Солидарность — основа строения человеческого общества	
А. Обоснование и развитие принципа солидарности	9
1. Солидарность как принцип структуры	10
2. Солидарность как принцип бытия	16
Б. Выводы из принципа солидарности	21
1. Место общего блага в жизни общества	22
2. Иерархическое отношение между общим и личным благом	25
Солидаризм	37
Глава 2 Солидарность — основа развития человеческого общества	40
1. Начало солидарности как сила, определяющая ход развития	40
2. Опытное подтверждение принципа солидарности	50
Глава 3. Принцип солидарности в конкретном применении	
1. Человечество как общественное целое	54
2. Природные сообщества	56
3. Общественное устройство, в частности собственность	58
4. Хозяйство	61
Глава 4. Требования солидарности	71
ЧАСТЬ 2. ОПТИМАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА (ПРИНЦИП СУБСИДИАРНОСТИ)	
Глава 1. Доктринальное содержание принципа субсидиарности	
1. Определение понятия	79

2. Толкование понятия оптимальности	84
3. Два аспекта принципа оптимальной поддержки	88
4. Связь между принципами солидарности и субсидиарности	110
Глава 2. Приложение принципа оптимальной поддержки	114
Глава 3. Выводы из принципа оптимальной поддержки	135

